

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Балтийские волны

1(3) 2012

ЖУРНАЛ

Финляндского русскоязычного литературного объединения

Хельсинки 2012

Главный редактор

Соломон Кагна

<http://solomonkagna.ucoz.ru>**Редакционный совет**

Александр Илойнен

Денис Мокроусов

Елена Хеллберг-Хирн, доктор филологических наук, профессор
Хельсингского университета**Компьютерный дизайн**

Денис Мокроусов

Корректор

Ирина Пилар

Журнал выходит два раза в год — весной и осенью.

Подписка на журнал принимается по e-mail:balticwaves@gmail.com**Информация о журнале расположена на сайте**<http://balticwaves.ucoz.ru>**Тексты для публикации принимаются по e-mail:**balticwaves@gmail.com**Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.****Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.****Присланные материалы не рецензируются.****Издатель:** Финляндское русскоязычное литературное объединение

© Балтийские волны 1 2012

Издание осуществляется при поддержке

Министерства образования Финляндии

Для создания журнала использовалось только
свободное программное обеспечение.

KAUNOKIRJAILISUUDEN JULKAISU

Itämeren aallot

1(3) 2012

Suomen venäjänkielinen kirjallinen yhdistys RY:n
LEHTI

Helsinki 2012

Päätoimittaja

Solomon Kagna

<http://solomonkagna.ucoz.ru>**Toimitusneuvosto**Elena Hellberg-Hirn, professor, Academy Researcher,
University of Helsinki

Aleksanteri Iloinen

Denis Mokrousov

Taittovedos

Denis Mokrousov

Korrehtuurinlukija

Irina Pilar

Aikakauslehti ilmestyy kaksi kertaa vuodessa, keväällä ja syksyllä.

Lehti tilaus e-mail:balticwaves@gmail.com**Tiedonanto lehdestä:**<http://balticwaves.ucoz.ru>**Julkaistavia kirjoituksia otetaan vastaan osoitteessa:**balticwaves@gmail.com**Lähde mainittava kirjoituksia lainattaessa.****Lehden kanta ei välttämättä ole sama kuin kirjoittajan kanta.****Lähetettyjä aineistoja ei arvioida.****Julkaisija:** Suomen venäjänkielinen kirjallinen yhdistys RY

© Itämeren aallot 1 2012

Julkaiseminen tapahtuu Suomen opetusministeriön rahallisella tuella

Lehden tekemisessä on käytetty vain vapaa ohjelmisto.

Оглавление

Проза и поэзия.....	8
Соломон Кагна.....	8
Иллюзия выбора.....	8
Продолжение. Начало в номерах 1,2 / 2011	
Часть вторая.....	8
Большие перемены.....	8
Глава четвёртая.....	8
Жизнь семейная.....	8
Полина Копылова.....	25
Главы из романа «Торнадо».....	25
День девятый.....	25
День десятый.....	31
День одиннадцатый.....	38
Соломон Кагна.....	41
La dolce vita. Рассказ.....	41
Мария Чулкова.....	45
Планета Suomi.....	45
Продолжение. Начало в номере 2 / 2011.	
Глава седьмая. Детки, белочки и...синяя коробочка.....	45
Глава восьмая: Макс и Кристина разрабатывают план.....	48
Алексей Шкваров.....	52
Остров.....	52
Совесь.....	55
Соломон Кагна.....	57
Сердцеедка. Стихотворение.....	57
Публицистика.....	58
Вячеслав Демидов.....	58
Автор о себе.....	58
Смерть и тайны «Челюскина».....	58
Северный морской путь для Гитлера.....	59
Три парохода.....	61
Дитя случая.....	62
Старший лейтенант корпуса морских офицеров.....	67
И «графа» припомнили.....	69
Молчание — золото.....	74
Аннушкин В.И.....	78
Русский язык – речь – слово и наука филология	78

в свете проблем российского образования.....	78
Юмор и сатира.....	90
Соломон Кагна.....	90
Никаких проблем.....	90
Валерий Шарпило.....	93
Старые сказки в политической окраске.....	93
Путь революционера или карьера авантюриста.....	93
Христианская демократия на огороде.....	95
Чиновник или политик?.....	96
Сказке конец?.....	97
Антон Макуни.....	99
Замечательный сосед.....	99
Книги наших авторов.....	100

SISÄLLYS

S. KAGNA. Vaihtoehdon illuusio. Romaani. Jatko. P. KOPYLOVA. Virago. Ote romanista Tornado. S. KAGNA. La dolce vita. Kertomus. M. CHULKOVA. Suomen planeetta. A. SHKVAROV. Saari. Omatunto. S. KAGNA. Flirttailijatar. Runo. V. DEMIDOV. Cheluskinin salaisuudet ja kuolema. V. ANNUSHKIN. Venäjän kieli, filologia ja opetuksen ongelmat. HUUMORI JA ja SATIIRI.

CONTENTS

S. KAGNA. Illusions of choices. A sequel of the novel. P. KOPYLOVA. Virago. Chapters of the novel Tornado. S. KAGNA. La dolce vita. A story. M. CHULKOVA. The planet of Finland. A. SHKVAROV. An island. Conscience. S. KAGNA. A flirty. A poem. V. DEMIDOV. The secrets and death of s/s Cheluskin. V. ANNUSHKIN. The Russian language, philology and problems of education. HUMOUR & SATIRE.

Проза и поэзия

Соломон Кагна

Печатался в русскоязычных газетах и журналах Финляндии. В настоящее время живёт в Хельсинки.

Иллюзия выбора

Роман в трёх частях с прологом и эпилогом.

Журнальный вариант.

Продолжение. Начало в номерах 1,2 / 2011

Часть вторая

Большие перемены

Глава четвёртая

Жизнь семейная

В марте родился сын. Роды были преждевременные. Ирина взяла академический отпуск. После рождения ребёнка она как-то сразу сильно переменялась по отношению ко мне. Не стало ничего похожего на то, что у нас было прежде. Она стала вести себя холоднее и как-то суше, что ли. Сначала я всё это приписывал тому, что она занята ребёнком и очень устаёт. Однако время шло, но ничего не менялось.

Часы работы в подменном экипаже были совершенно неопределёнными. Приходилось работать также и по вечерам, и по ночам. Валюту, естественно, не платили, но зарплата была вполне достойная.

Довольно часто, когда я приходил с работы, Ирины не оказывалось дома. На мои вопросы тёща всегда отвечала примерно одно и то же:

— Надо же молодой женщине хоть немного развлечься. Она ведь целыми днями сидит в четырёх стенах одна с ребёнком.

Родители Ирины были люди, как говорится, интеллигентные. Отец работал научным сотрудником в НИИ нефти и газа. Два года назад он получил от своего предприятия двухкомнатную квартиру, чем очень гордился. Мать преподавала немецкий язык в институте иностранных языков. Не проходило дня, чтобы она не ругала своих студенток за лень, нерадивость, глупость и другие, подобные этим, качества:

— Вы представляете, приходит она ко мне на экзамен, а шея у неё немытая, голова грязная, от неё плохо пахнет! Я вынуждена отворачивать от неё лицо, когда она мне отвечает. А потом я встречаю её, когда она идёт на вечер. Завитая, надушенная – я её не узнаю – кукла!

Ко мне её родители относились как к некоей неизбежности. Что поделаешь, если их единственная дочь Ирочка достигла того возраста, в котором женщине полагается быть замужем. Правда, как они полагали, вариант Ирочка могла бы найти и получше. Тёща, под настроение, любила попричитать:

— Другие девушки находят себе женихов с квартирами, с машинами, а нам не везёт! – и горестно вздыхала при этом.

Тесть тоже не отставал от неё в выражении своей досады в этом вопросе. Как-то раз, он ни с того, ни с сего, совершенно на ровном месте вдруг заявил мне:

— Ну что, явился к нам на готовенькое?!

Под «готовеньким» он имел в виду свои двухкомнатные апартаменты.

Вот тебе раз! Оказывается, я вовсе не благородный рыцарь, который не оставил девушку в, так сказать, неблагоприятных для неё обстоятельствах, а просто-напросто гнусный пройдоха, подло прокравшийся на двухкомнатную жилплощадь, которую уважаемый научный сотрудник получил от своего предприятия за долгую безупречную службу.

Но больше всего меня раздражало их снисходительно-пренебрежительное отношение и то, что они пытались «учить меня жить». С семнадцати лет я, можно сказать, был уже самостоятельным, по крайней мере, не зависел от родителей ни морально, ни материально. А тут – на тебе, выискались два довольно-таки пожилых субъекта, которые по не совсем понятным причинам считают, что они намного лучше меня разбираются в моих делах, пытаются предписывать, что мне следует делать и чего не следует и, разумеется, считают себя неизмеримо умнее меня. Последнее так и пёрло из них изо всех щелей.

Сначала я пытался как-то повлиять на ситуацию, чтобы умерить их назидательный пыл, пытался доказывать, что я, как говорится, «не верблюд», принимая участие в их «интеллигентных» разговорах. Как-то раз зашла речь об астрономии, конкретно о планетах Солнечной системы. Тесть, конечно, не преминул выказать свою эрудицию. Он даже знал, что Юпитер – самая большая планета. Затем заговорили о других параметрах Юпитера. Я, в своё время, собирался стать штурманом и знал, что наблюдения за Юпитером используются в мореходной астрономии и ещё некоторые данные о нём. Когда я сказал, что период обращения Юпитера вокруг своей оси десять часов, тесть довольно бесцеремонно перебил меня:

– Не может такого быть! Такая большая планета не может вращаться вокруг своей оси быстрее, чем Земля!

Слово за слово, поспорили на бутылку коньяка. Спор был разрешён немедленно. Родители моей жены были люди интеллигентные, в книжном шкафу у них стояла энциклопедия. Надо было видеть, с каким самодовольным видом тесть взял книгу. «Сейчас он посадит в лужу этого наглеца-мальчишку!» Затем физиономия у него удивлённо вытянулась.

Коньяк он, конечно, поставил, и мы его выпили, но после этого их отношение ко мне несколько не улучшилось, скорее наоборот. И чем больше я «умничал», тем хуже они ко мне относились. Вероятно, своими действиями я разрушал весьма лестный для них стереотип об их превосходстве над этим «механиком», у которого ума хватает только на то, чтобы крутить гайки.

В конце концов, я махнул на них рукой, а их советы-наставления, которые я искренне считал совершенно никчёмными, попросту игнорировал. А так как они начали использовать обидные для меня выражения, то я стал называть место работы тестя не иначе как НИИ НИ ТПРУ, НИ НУ. Всё это приводило их в бешенство. Не имея возможности влиять на меня, они стали подзуживать Ирину к склочным действиям. Иногда до меня долетали обрывки их «инструкций»:

«Надо давать ему отпор...»

«Нельзя допускать, чтобы он...»

«Надо заставить его...» – и так далее в том же духе.

Они с большим увлечением занимались этой семейной войной, а мне она сразу же набила оскомину.

* * *

Минуло больше трёх лет моей работы в подменном экипаже. Давно прошла напряжёнка, с которой я приходил на незнакомое мне судно, и надо было срочно разбираться в его электрооборудовании. Наш экипаж обслуживал суда, которые совершали переходы между портами Прибалтики.

Я много размышлял о различных схемах электрооборудования и устройствах, и мне казалось, что я мог бы сделать всё это намного лучше. Неожиданно я пришёл к мысли, что во мне зарыт Томас Альва Эдисон. Игорь, с которым я поделился своими соображениями, сказал:

– Ну, если тебе так хочется заняться техническим творчеством, то, может быть, и есть смысл попробовать. Как сказал классик «Мы знаем, кто мы такие, но не знаем, кем мы можем стать».

– Какой классик?

Игорь с удивлением взглянул на меня.

– Ты не читал «Гамлета?»

– Да знаешь, как-то не пришлось.

– Ну, ладно, – вернулся он к обсуждаемой теме. – Есть у меня один знакомец. Он окончил ЛЭТИ, факультет электрификации и автоматизации судов и сейчас работает в СКБ. Они там делают какую-то автоматику с морским уклоном. Если хочешь, можно с ним поговорить.

Некоторое время я ещё раздумывал, а потом попросил Игоря устроить мне встречу с его знакомцем.

Я приехал к зданию СКБ и ждал его в проходной. Наконец он появился. Знакомец Игоря был примерно одних лет с ним, среднего роста, немного полноватый, в очках. Вид у него был довольно солидный. После нескольких вопросов он объявил, что программы ВУЗов, которые мы окончили, примерно совпадают, и что в этом аспекте я им, пожалуй, подхожу.

– К сожалению, в нашем отделе сейчас нет вакансий, – сказал он. – Если хотите, можно поговорить с начальником смежного отдела. Им сейчас надо набрать несколько человек.

Мне, в принципе, было всё равно куда идти. Из его объяснений я понял, что в обоих отделах занимаются разработкой устройств автоматики и измерительной техники, а различия в их работе показались мне малосуще-

ственными. Так что я сразу согласился с предложенными мне начальником смежного отдела условиями.

* * *

К моему переходу в СКБ Ирина отнеслась очень прохладно. Я не мог понять почему. В подсменном экипаже у меня работа была связана с судоходством, переходами судов между портами. Я, бывало, сутками, а то и неделями не бывал дома. Теперь же я каждый вечер приходил с работы домой. Но зато Ирины частенько дома не оказывалось. Она объясняла свои отлучки разными причинами, в основном, торжествами по случаю каких-то там событий на работе. Нельзя сказать, чтобы мне это очень нравилось, но я терпел и молчал, ведь недавно я сам подолгу не бывал дома.

Я знал, что Ирина любит весёлые, шумные компании, а я быстро уставал от этого неумёного веселья. Иногда её друзья по какому-нибудь поводу собирались у нас. Как-то разговорился я с одним из её сослуживцев Анатолием. Он рассказывал, что в своё время играл в водное поло. Слово за слово, и я посетовал, что теперь совсем не занимаюсь спортом. И тут он неожиданно предложил:

— А хочешь, я достану тебе абонемент в плавательный бассейн СКА?

С абонеменами в бассейн тогда были проблемы, и я сразу же ухватился за его предложение.

Наши отношения вполне можно было назвать дружескими. Мы с ним ходили в бассейн в одно и то же время рано утром перед работой. В бассейне были дорожки длиной пятьдесят метров. Крыша и стены – частично стеклянные. Зимним утром было видно, как багровый диск солнца медленно поднимается из-за горизонта на фоне белого снега и тёмных силуэтов зданий. Пейзаж фантастический!

В один из дней мы, как всегда, вместе вышли из бассейна. Через несколько десятков метров наши пути разошлись. Анатолий был необычно молчалив и изредка бросал на меня косые взгляды. Но это я припомнил уже потом, а тогда я был в прекрасном настроении, и мои мысли были заняты предстоящим рабочим днём. Анатолий что-то сказал. Я, погружённый в свои размышления, плохо расслышал, о чём он говорит, кажется, что-то об Ирине.

— Что? – переспросил я.

— То, что он спал с твоей женой! – довольно резко ответил Анатолий, видимо, раздражённый моим невниманием к его столь важному сообщению.

— Кто?

– Виктор.

Виктор был их сослуживцем. Я не поверил, вернее даже не воспринял его слов, как будто они относились не ко мне. В этот раз мы больше ничего не успели сказать друг другу. Наши пути расходились в этом месте.

* * *

Некоторое время я находился под впечатлением неожиданно свалившейся на меня информации. Из всего букета эмоций, которые меня обуревали, самой сильной была не ревность, не обида, а удивление. Я никак не мог осознать, что это произошло именно со мной. Хотя народная мудрость и гласит, что от тюрьмы да сумы не зарекайся, почему-то она воспринимается часто как-то умозрительно, по отношению к другим. В общем, мой разум отказывался воспринять эту ситуацию, и я решил поговорить с Ирой. В конце концов, очень может быть, что всё это не больше, чем сплетни и хвостовство.

Ира с возмущением всё отрицала:

– Да ты что?! Нужен мне этот Виктор! Да он, как только бабу за километр увидит, то из него уже всё выливается!

Настаивать на своих подозрениях я не стал. Тогда мне в голову не пришло, откуда она так хорошо осведомлена о физиологических особенностях этого Виктора.

Однако червь сомнения продолжал точить мою душу. Когда мы встретились с Анатолием, я сказал:

– Ирина говорит, что у неё с Виктором ничего не было. Ты не мог бы расспросить его подробнее. Хотелось бы всё-таки знать, врёт он или нет.

Анатолий пообещал.

Как-то давно я смотрел фильм, названия которого сейчас не вспомню, но одна фраза оттуда мне запомнилась хорошо: «Верность жены – это тот вопрос, по которому мужчина должен принять решение. Он может принять неправильное решение, но принять его он должен». Теперь я понимал, что в этом есть резон. Как говорится, лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

В следующий раз Анатолий немного опоздал, и мы встретились уже в воде. Я не стал ждать, когда наша вода закончится, и, встретившись с ним у бортика, сразу спросил:

– Ну, как?

– Знаешь, ничего не вышло. Я к нему и так, и этак – молчит как партизан. Раньше сам заговаривал на эту тему, хвастался, а теперь – ни гу-гу.

Я молча смотрел на Анатолия, в голове у меня было совсем пусто – ни одной мысли. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, прежде чем успел что-то подумать, я выпалил:

– А ты? Ты тоже с ней спал?

Он смутился, отвёл глаза в сторону. Выражение лица у него стало каким-то виноватым.

– Ну, видишь ли, мы симпатизировали друг другу... Я один раз сказал ей, что у нас могли бы быть более близкие отношения, а она... – он замаялся. – В общем, ничего не вышло...

И добавил уже более решительным тоном:

– Догоняй!

Он оттолкнулся от бортика и поплыл кролем. Я заметил, что он старается больше не встречаться со мной у бортиков. Догонять бывшего ватерполиста мне было без толку, да я и не пытался. Мы встретились уже в раздевалке. Я не стал возобновлять этот разговор. К чему? И так всё ясно.

* * *

Была середина июня. Стояли белые ночи. Ирины не было дома. Уже за полночь, но спать мне не хотелось. Я сидел в кресле и читал Декамерон Бокаччио. Раздался телефонный звонок. Телефон стоял в комнате родителей Ирины, но звукопроницаемость дверей и стен вполне позволяла различать телефонные трели из соседней комнаты. Кто же ещё мог звонить в такое время, как не Ирина? Что же случилось? Обычно она заявлялась поздно ночью без звонка. Я вышел в коридор, подошёл к двери комнаты родителей Ирины и прислушался. Конечно, как говорится, нехорошо подслушивать у дверей, но в тот момент мне было не до соблюдения моральных принципов. Говорила тёща. Из её слов я понял, что звонит действительно Ирина и сообщает, что ночевать она не придет. Я постучал в дверь и вошел в комнату.

– Дайте мне трубку, – сказал я довольно резко.

– А ну, живо домой! – приказал я Ирине.

На другом конце провода повисло молчание.

– А ты откуда там взялся? – спросила она после весьма продолжительной паузы.

– Ты слышала? Живо домой!

Раньше я никогда так с ней не разговаривал.

– Хорошо, я сейчас приду, – послушно ответила она.

Я вернулся к себе и стал смотреть в открытое окно. Было совсем светло, никакого «молочного сумрака». Минут через двадцать Ирина показа-

лась из-за угла. Должно быть, она вышла из чьей-то машины так, чтобы я не мог этого видеть. Было так тихо, что был слышен стук её каблучков.

Я услышал, что она открывает дверь, и вышел в коридор, чтобы её перехватить, а то убежит в ванную на час, а мне не терпелось поговорить с ней.

– Иди сюда.

Она прошла в комнату. Я не стал спрашивать, где она была и где собиралась провести ночь. Бесплезно. Придумает что-нибудь, пойди проверь. Решил сразу взять быка за рога:

– Может, ты мне всё-таки расскажешь, какие у тебя отношения с Виктором и Анатолием?

Когда я упомянул Анатолия, что-то дрогнуло в её лице, и она ответила довольно ненатуральным голосом:

– Да никаких отношений у меня с ними нет...

Должно быть, и моё лицо при этом как-то изменилось, потому что она, как будто испугавшись, поспешно сказала:

– Ну, хорошо, если тебе уж так хочется в этом копать... Ну, переспала я с этим Виктором пару раз, но это было три года назад! Больше ничего не было.

«Женщина говорит правду только для того, чтобы скрыть за ней ложь», – мелькнула в моей памяти вычитанная где-то фраза. Вряд ли она ограничилась этими двумя связями, о которых мне стало известно. Однако проводить дознание и припирать её к стенке мне совсем не хотелось. Будет врать, изворачиваться до последнего беспредела, выйдет себе дороже.

– Да что я хуже стала после этого?! – прервала она затянувшееся молчание.

– Я не сразу нашёлся, что ответить, потом спросил:

– Теперь и я могу открыто ходить по бабам?

– Ну, нет! – вскинулась она. – Я не дам тебе такой возможности!

– А что же ещё мне остаётся делать?

– Как что? – она посмотрела на меня как на идиота. – Ничего. Простить.

Я вдруг почувствовал, что смертельно устал и хочу спать.

После этого ночного разговора внешне как будто ничего не изменилось. Ирина по-прежнему уходила по вечерам на свои мероприятия, но больше не звонила, что не придёт домой ночевать. Ни я, ни она больше не возвращались к этой теме. Не знаю, что думала Ирина, может быть, ей казалось, что я последовал её совету. Но это было не так. Выбор, разумеется, был за мной, но я ещё ничего не решил. Так что же мне делать? Смирить-

ся с тем, что произошло или круто изменить свою жизнь? Конечно, нет ничего легче, чем уйти, хлопнув дверью. Но идти-то мне было некуда. Прописан я был у своих родителей в их двухкомнатной квартире. В одной комнате жили родители, а в другой мой старший брат с женой и дочкой, так что для меня там места не было. Остаться с Ириной? Здесь меня и до сих пор не особенно жаловали, а теперь, если я стерплю этот «удар судьбы», об меня просто будут вытирать ноги. Мысли мои вертелись всё время вокруг этой ситуации, и я, как ни старался, не мог отвлечься от них, разве что на работе на короткое время.

В моей памяти оживали картины прошлого как замёрзшие звуки в рассказе барона Мюнхгаузена. В этих видениях я различал многое из того, на что в своё время в реальной жизни почему-то совершенно не обращал внимания, как будто всё это каким-то странным образом скользило мимо моего сознания. Вспомнил нашу встречу с Ириной в конце августа в год моего окончания училища, когда мы сразу же пошли ко мне. Ирина очень боялась забеременеть и всегда следила, чтобы я пользовался презервативом. Но в тот раз она сказала: «Давай обойдёмся без этого». — Я не стал её ни о чём спрашивать, так как решил, что это её женские дела.

Непроизвольно мои воспоминания выстраивались в некую логическую цепочку, и из разрозненных впечатлений прошлого возникал довольно-таки понятный пазл.

Рождение сына. Роды были, как сказала мне Ирина, преждевременные, ребёнок родился семимесячным, но он был нормального размера и веса. В таком случае, если срок беременности был нормальным, то время зачатия не стыковалось с датами наших встреч. Кроме того, мой сын совершенно не походил на меня. Я замечал это и раньше, но совершенно не задумывался над этим, вернее ни с чем это не связывал. Но теперь я даже вспомнил, на кого он похож. Это был один из бывших однокурсников Ирины. Когда она в первый раз пригласила меня на свой день рождения, он тоже был там. Ирина много раз танцевала с ним. Слишком много. Больше чем со мной. Ну что ж, картина вырисовывалась вполне определенная, такая ясная, что оставалось только удивляться, как я раньше мог ничего не замечать.

Время шло, а я так и не мог ни на что решиться. В конце концов, я обратился за советом к Игорю. К моему удивлению, рассказ о поведении Ирины произвёл на него очень слабое впечатление. Куда больше его занимала практическая сторона дела.

— Ну, хорошо, Лёша, — сказал он, — допустим, ты разведёшься, дело нехитрое, а дальше что? Куда ты пойдёшь? Где будешь жить? Снимать комнату всю жизнь? Или ты собираешься снова жениться и так, чтобы у невесты была жилплощадь? А сам ты квартиру никогда не получишь, у

твоих родителей имеется достаточно метров. Разве что в семье твоего брата родится ещё один ребёнок, но это то ли будет, то ли нет. А если и будет, то тебя поставят на очередь, где ты будешь пребывать долгие годы и в конце концов, скорее всего, ничего не получишь.

Перспективу он нарисовал довольно мрачную, да я и сам это всё понимал, но, тем не менее, возразил:

– Но я не хочу жить с женщиной лёгкого поведения!

– Ну, Лёша, зачем же ты так? Если у женщины бывают романы на стороне, это совсем не значит, что её можно так называть.

– Знаешь, Игорь, дело не в названии, а в сути. Когда я был в Арктике, мне рассказывали, как один офицер собрался жениться. Друзья стали его отговаривать: «Что ж ты делаешь? Она ведь с кем только не переспала!» – А он ответил: «Ну и что? Надоело в очереди стоять!»

– Это что – анекдот?

– Как сказать. Ты слышал про так называемые тexasские анекдоты?

– Слышал кое-что. Это как два тexasца пришли покупать автомобиль, и один говорить другому: «Ну ладно, ты платил за завтрак, а я плачу за машину».

– Что-то вроде. Как раз я прочёл недавно один подобный анекдот. Американский военный корабль пришёл в один из портов Юго-Восточной Азии. Офицер – тexasец инструктирует матросов перед увольнением на берег: «С местным населением следует устанавливать дружеские отношения. В споры не вступать, конфликтов избегать. Даже если какой-нибудь невежественный абориген будет утверждать, что Азия больше Техаса, оставьте его в этом заблуждении!» – Так вот, эти анекдоты называются тexasскими только за пределами Техаса, а в самом Техасе они называются случаями из жизни.

Игорь усмехнулся.

– Откуда ты выкопал этот «шедевр»?

– Из сборника англо-американского военно-морского юмора на английском языке. Купил его пару дней назад в «Военной книге», что на Невском.

– Ну, и что следует из твоего арктического анекдота или «случая из жизни»?

– А то, что здесь не Арктика, и мне не обязательно жить с..

– Ну, хватит, это я уже слышал. Ты планируешь когда-нибудь снова жениться?

– Сейчас об этом вопрос не стоит.

– Но это сейчас. А в дальнейшем? Как показывает статистика, после

развода почти все снова вступают в брак. Так что с большой долей вероятности по прошествии некоторого времени ты снова женишься и рано или поздно попадёшь в аналогичную ситуацию.

— Ты считаешь, что снова всё произойдёт, как в этот раз?

— Точно, конечно, утверждать ничего нельзя, но, скорее всего, что-то вроде. Я читал, что проводились анонимные опросы на этот предмет. Так вот, в разных источниках приводятся данные, что, точно сейчас не вспомню, но, по крайней мере, больше половины опрошенных как мужчин, так и женщин имели связи на стороне. Да, собственно, это и неважно сколько, пятьдесят процентов или восемьдесят. Возможно, не все респонденты были достаточно откровенны. Важна тенденция. Я думаю, что эта величина асимптотически стремится к ста процентам. Разумеется, существуют исключения, но они, как говорится, только подтверждают правило.

— Я бы хотел подпасть как раз под такое исключение.

— Наверное, все хотели бы этого, но, как мы часто видим, никого не минует чаша сия. Вообще говоря, есть мнение, что моногамия накладывает на человека противоестественные ограничения. Монотонность супружеских отношений может привести к ослаблению полового влечения, что довольно часто и бывает. Учёные мужи от сексологии рекомендуют для создания ощущения новизны менять позы, время и места половых актов, но всё это полумеры. Самое действенное средство – это смена партнёров. После этого можно вернуться к исполнению супружеских обязанностей опять же на некоторое время, которое у каждого зависит от особенностей его или её натуры. Так что промискуитет, вероятно, более естественная форма половых отношений, чем моногамия.

Я не знал, что такое промискуитет. Игорь довольно часто употреблял мудрёные словечки, рисуясь своей эрудицией. Обычно я избегал задавать ему вопросы о том, что эти термины означают, чтобы не выказывать своего невежества, старался понять их значение из контекста. Но на этот раз я не понял, что он хотел сказать, и мне пришлось спросить:

— А что такое промискуитет?

— Видишь ли, если ты посмотришь, как это слово определяется в некоторых словарях, то там может быть написано, что промискуитет – это неразборчивость, особенно в половых связях. Можно встретить и другое определение – это стадия неупорядоченных половых отношений в первобытном обществе. Но и это не точно. Сам термин происходит от латинского слова, которое означает смешанный, общий. В первобытном обществе действительно не было института брака и семьи, которые, кстати говоря, появились, как утверждают, например, классики марксизма, с развитием имущественных отношений. А до этого и бытовал этот самый промискуитет-

тет. Только никакой неразборчивости и неупорядоченности там не было. Наоборот, всё было очень хорошо организовано. Члены общества были разделены на группы, внутри которых были разрешены половые отношения. В одну и ту же группу не могли попасть близкие родственники разного пола.

— И чем же это было лучше современной моногамной семьи?

— А хотя бы тем, что половые партнёры не смотрели друг на друга как на свою собственность, и смена партнёров была нормой, а не тем, что, так или иначе, осуждалось, пусть даже формально. Норма – это ведь чистая условность, вопрос соглашения или дань традициям. С появлением моногамии появился и адюльтер, который, как я тебе уже говорил, асимптотически стремится к ста процентам. Может быть, это и есть современная форма промискуитета? А моногамия – всего лишь декорация в моральном аспекте? А в юридическом плане не более, чем одно из обстоятельств при составлении брачных контрактов и ведении бракоразводных процессов? Как ты думаешь, с какими установками люди вступают в брак? Одна девушка сказала мне, что она хочет как можно скорее выйти замуж. На мой вопрос: «Почему так срочно?» – она ответила: «После этого можно и ребёнка иметь. На нём ведь не написано, чей он». – Как много мы приносим в жертву простым условностям! Довольно часто, когда муж узнаёт об измене жены, самое главное, что его волнует, это то, кто об этом знает. И если дело не получает огласки, то всё остальное уже второстепенное. Так что каждый имеет право на личную жизнь. Ты ведь тоже не ангел, не так ли?

— Может, я и не ангел, но всё же есть какая-то разница...

Игорь перебил меня:

— Ты хочешь сказать, должна быть какая-то разница между половым поведением мужчин и женщин?

— Ну, да. Разве это не естественно?

— То есть ты считаешь естественным, что должна быть двойная мораль?

— Можешь называть это как хочешь, но никто меня не убедит, что свобода половых отношений мужчин и женщин вызывает одинаковую реакцию. Разнузданное поведение женщин всегда осуждалось.

— Ну, это, можно сказать, домостроевские взгляды. С тех пор многое изменилось. В конце концов, сейчас равноправие полов, и с этим нельзя не считаться.

— Разумеется, сейчас не домостроевские времена, и очень многое изменилось. Однако анатомия и физиология остались такими же. И как бы феминистки ни кричали, что они не хотят быть заложницами пола, по-

прежнему мужчина оставляет за порогом то, что женщина тащит в дом.

– Не совсем так. Сейчас, когда секс отделён от деторождения в связи с наличием достаточно эффективной контрацепции, это уже не является неотвратимым последствием адюльтера.

– Но в моём случае именно это и произошло.

– Что – это?

– Жена принесла в дом чужого ребёнка.

– Всё-таки ты ведь точно не знаешь, что это не твой ребёнок, а, как известно, сомнения толкуются в пользу ответчика.

– Но я хотел бы всё-таки воспитывать своего ребёнка и быть в этом уверенным.

– Ну, в конце концов, заведите второго ребёнка, в отцовстве которого ты будешь уверен. Поговори с Ириной, я думаю, она охотно пойдёт тебе навстречу.

– Так. Это что же ты мне предлагаешь? Значит, в соответствии с идеями одного средневекового утописта, после того, как женщина забеременела от мужчины, назначенного ей советом старейшин для производства потомства, она снова поступает в общее пользование?

Игорь с удивлением и, как мне показалось, с уважением взглянул на меня.

– Ты читал «Город солнца» Томмазо Кампанеллы?

– Нет. Я читал историю коммунистических идей. Там вкратце пересказывается содержание этого произведения.

– Ну, конечно. В истории коммунистических идей без этой книги никак не обойтись. Её ставят наравне с «Утопией» Томаса Мора, хотя она и менее известна. А знаешь, в этом что-то есть. Как я тебе уже говорил, моногамия накладывает на сексуальное поведение личности противоестественные запреты, а это уже явное нарушение прав человека. Так что не поднимай бурю в стакане воды и перестань на этом заикливаться. Живи и радуйся!

– А скажи, Игорь, как бы ты сам поступил на моём месте?

– Видишь ли, Лёша, вопрос этот явно некорректный, так как идентичных ситуаций не существует. Но я всё-таки попытаюсь на него ответить. Во-первых, скажу честно: не знаю. Это будет зависеть от многих обстоятельств, которые сейчас совершенно невозможно перечислять и придумывать, да и ни к чему это. Во-вторых, ты пришёл ко мне поговорить о своих проблемах, то есть фактически попросить совета. А с советами дело обстоит далеко не однозначно. Говорят, что все мы получаем советы, но только мудрым они приносят пользу. С другой стороны, Оскар Уайльд, например, утверждает, что хорошие советы он передаёт другим, так как не

знает, что ещё можно с ними сделать. Он, конечно, был известный остро-слов и сказал это, может быть, для красного словца. Существует мнение, что мы не любим дающих советы. Ведь это означает, что кто-то другой не только умнее нас, но и лучше нас разбирается в наших делах. Однако здесь есть один нюанс, на который почему-то не всегда обращают внимание. Если кто-либо попадает, с его точки зрения, в экстраординарную ситуацию, да ещё и неожиданно, он обычно более или менее взволнован, а эмоции плохой советчик. Как говорится, под горячую руку можно много дров наломать. Вот тут-то ему совершенно необходим совет друга или даже просто доброжелательно настроенного человека, который может судить хладнокровно о создавшемся положении. Так что, если я окажусь когда-нибудь в подобной ситуации, то не исключено, что я обращусь за советом именно к тебе, тем более, что у тебя уже есть какой-то опыт в таких делах.

После разговора с Игорем у меня созрело окончательное решение, но не такое, какое он мне рекомендовал. Как я понимал, он привёл все возможные доводы в пользу сохранения статус-кво (вот ведь поднабрался от него латыни, действительно с кем поведёшься...), но всё это меня не убедило. А возможно, подсознательно я всё давно решил, и мне надо было только свыкнуться с уже принятым решением. Так или иначе, но я подал на развод. Это был не выбор, а вынужденный поступок. А какая у меня была альтернатива? Остаться с Ириной, воспитывать чужого ребёнка, зная при этом, что она всё время отпускает налево? Конечно, тоже вариант, только вряд ли меня бы надолго хватило при такой жизни, и в конце концов всё равно пришлось бы развестись. Так не лучше ли это сделать сейчас и сразу? Собаке по кусочкам хвост не рубят!

Я долго думал, какую причину развода указать в своём заявлении. Откровенничать на судебном заседании я не собирался. Сначала я пытался убедить себя, что не хочу ставить Ирину в неловкое положение. Однако, в конце концов, стало ясно, что мне просто будет стыдно рассказывать, что меня как наивного мальчика обвели вокруг женского пальчика, а потом ещё наставили кучу рогов. Пришлось ограничиться банальной ссылкой на несходство характеров.

Судья, довольно молодой человек, взял моё заявление, назначил день разбирательства дела и выписал повестку в суд для Ирины. Он сказал, что повестку ей должен вручить я сам, приложив копию моего заявления, которое он назвал «исковым». Итак, наш конфликт перешёл в официальную стадию: я – истец, она – ответчица.

Ирина всерьёз всё это не приняла. Она предложила мне как следует

подумать, не делать глупостей и не валять дурака. А поскольку я всё-таки настаивал на своём намерении, начала обращаться со мной как с закапризничавшим ребёнком. Она была уверена, что до суда дело не дойдёт: я «поваю дурака» и заберу своё заявление.

Тем не менее, время шло, и наконец наступил день судебного разбирательства. Считалось, что такие дела слушаются публично, и суд проходил в зале, предназначенном для публики. Однако на этот раз зал был совершенно пуст. Перед нами разводилась ещё одна пара, и мы, в ожидании своей очереди, заодно изображали публику.

Истец – полковник лет пятидесяти, рассказывал о том, как допекла его супруга, и о мытарствах, которые он претерпевает пока тянется это дело о разводе.

– Мне пришлось бросить прекрасный город Ленинград, – говорил он, – и уехать в Саратов. – Надо полагать, чтобы быть подальше от своей благоверной. – А за моей спиной люди, – продолжал он, – которые не понимают, почему я четыре года не могу получить развода.

Судья спросил о детях. У полковника и его супруги были сын и дочь, уже взрослые люди. Они жили отдельно от родителей. Так что этот вопрос больше не возникал.

Супруга полковника пришла вместе с женщиной-адвокатом. Адвокатша выступила после полковника. Бог ты мой, какую околесицу она несла! Я не верил своим ушам, пока выслушивал этот жалкий лепет. Ни слова об обстоятельствах дела. Она была только на жалость:

– Моя подзащитная – женщина уже не молодая, – стрекотала адвокатша, – у неё проблемы со здоровьем. Решение о разводе может пагубно на ней отразиться. Вы знаете, граждане судьи, – откровенничала она со значительной интонацией в голосе, разом повысив в ранге двух народных заседательниц, женщин среднего возраста, и при этом грубо польстив им, – у неё может случиться инфаркт, инсульт...

Я перестал слушать этот вздор. Наконец адвокатша закончила свою «блестящую» защитительную речь. Затем дали слово ответчице. Она вылила на своего благоверного большой ушат грязи, причём говорила так, как будто бы его тут не было.

– Он мне изменял, а я всё терпела! – патетически восклицала она, изображая из себя безвинную жертву.

Выглядело это как анекдот, в котором рассказывается, как женщина пишет в парторганизацию жалобу на своего мужа:

«Мой муж – подлец! Он постоянно пьянствует, не занимается воспитанием сына, не даёт мне денег. А сейчас он вообще ушёл из семьи. Помогите вернуть мужа».

Судья долго и терпеливо выслушивал эти излияния и наконец прервал её:

– Как Вы собираетесь сохранить семью?

– Я сделаю всё, чтобы он не уходил.

Вполне можно было себе представить, как она это делает. Если bravому полковнику и на этот раз откажут в его иске, то, скорее всего, первое что он услышит после суда от своей достойной половины будет что-нибудь вроде такой сентенции:

– Ну, что, мерзавец, развода захотел?! Накось, выкуси! Не дам развода! И никогда ты его не получишь!

Должно быть, и судья всё это прекрасно понимал, так как задал следующий вопрос:

– Фамилию Вам надо менять?

Вместо ответа женщина заплакала.

На сей раз полковник получил вождеденный развод.

После соблюдения необходимых формальностей настала наша очередь. Судья зачитал моё исковое заявление. Одна из народных заседательниц спросила:

– Расскажите, почему Вы хотите разводиться?

– Я всё изложил в своём заявлении.

– Мы это слышали, но хотели бы знать подробнее.

Пришлось мне выступать. Не то чтобы я уж очень косноязычен, но, надо прямо сказать, – не оратор. Я говорил что-то мало вразумительное о несходстве характеров, так как ничего больше придумать не мог. Затем наступила очередь Ирины.

– Уважаемый суд, – начала она, – у нас хорошая семья, растёт сын. До сих пор всё шло нормально. Но, как известно, в семейной жизни без проблем не обходится. Сейчас наша семья как раз переживает временные затруднения. Мой муж – прекрасный человек! Дайте нам время, мы сами во всём разберёмся.

В отличие от меня, она говорила гладко и убедительно. Но, в самом деле, не тягаться же в красноречии мне, «грубому моряку», с профессиональной журналисткой! Народные заседательницы смотрели на меня с недоумением и сожалением. Можно было легко догадаться, о чём они сейчас думают: «И чего ещё этим мужикам надо? Жена у него такая красивая, элегантная, умная женщина. Хочет сохранить семью. И какая муха его укусила? Ведь сам не понимает, чего говорит!»

В общем, не развели нас. Но это уже не имело для меня никакого значения. Решение принято, и надо его выполнять. Колебаться можно было до принятия решения. Я снял комнату на первом этаже в блочном доме.

Из обстановки там были только диван-кровать и один стул. Больше не было ничего: ни платяного шкафа, ни стола, ни тумбочки. Я поставил чемодан с рубашками и бельём в угол, вбил гвоздь в стену и повесил на него костюм. Немного позже я купил полиэтиленовый мешок, чтобы костюм не пылился.

Надо было как-то решать вопрос с жильём. Я встал на очередь на получение кооперативной квартиры. Мне дали какой-то странный номер: Щ–989. Имея такой номер, совершенно невозможно было понять, а тем более проверить, куда движется очередь: вперёд, назад, вбок или вовсе в никуда. Игорь оказался прав. Перспектив на получение жилья у меня не было никаких, разве что жениться на женщине с жилплощадью. Но о новой женьитьбе мне даже думать не хотелось.

(Продолжение следует)

Полина Копылова

Главы из романа «Торнадо»

День девятый.

В который многое тайное становится явным.

Мона Алессандрина оставалась в постели почти до полудня, предаваясь размышлениям. Размышления были по большей части невеселы — вчерашний запал успел остыть, беспокойный сон не принес отдыха ни душе, ни телу.

К тому же мона Алессандрина заметила одну странность.

Когда впервые рядом с ней оказался дон Карлос, она ощутила трепет и тяжесть, как будто повеяло ветром от пернатых, но не птичьих крыл.

А когда на нее в упор смотрел вождедеющий дон Фернандо, не было ни трепета, ни тяжести. Терпкие струйки его запаха сочились сквозь пряный воздух, как пот сочится сквозь сорочку, сильное дыхание отдавало перченым мясом и кислым вином. Крепкие ногти у него были чистые и коротко подрезанные. Она внимательно его разглядела, удостоверившись, что сможет терпеть на себе его руки, его губы, и всего его, наконец, если на то будет Божья воля.

Но бессильный дон Карлос был как будто больше, чем человек, а дон Фернандо был могущественный человек, но никак не больше.

И почему является торнадо? Она не раз уже ловила себя на том, что ветряной столп пойдет из головы наяву, и чарует во сне - ведь она все неохотнее пытается от него убежать.

Не додумавшись ни до чего путного, мона Алессандрина велела подавать одеваться.

Сидя в одиночестве за утренней трапезой, она еще подумала, что ей как никогда нужно видеть дона Карлоса.

У него в ней оказалась такая же нужда. Он явился, едва она встала от стола.

Он ни на волос не отступился от своей учтивости, от целования рук и пустопорожних словес, обычных при каждой их встрече. Настоящий разговор начался в малом гостином покое на верхнем этаже одним коротким

вопросом:

— Это... у вас?

— Да.

Они рассматривали ее, одинаково сузив глаза и скривив губы, прикасаясь только кончиками пальцев. Восковое подобие изготовили с известным тщанием — на месте лица были прорисованы узнаваемые черты, шелковая одежда была сшита так, как прилежные девочки шьют наряды для кукол — то есть очень тщательно и искусно. И тем более, не по себе, делалось мне Алессандрине и ее гостю при виде длинной булавки, безжалостно проткнувшей человечка насквозь.

На конце булавки болтался пергаментный квадратик с изображением объятого пламенем сердца и черными червеобразными знаками. Даже искусенный дон Карлос не смог наверняка сказать, арабские это буквы или иудейские. Возможно, не те и не другие, а колдовская тайнопись.

Насмотревшись вдоволь, он откинулся на прямую спинку кресла. Его лицо застыло, только губы брезгливо подергивались. Черные глаза сквозь стену, сквозь путаницу сырых улочек, сквозь запертые по зимнему времени дворцовые ставни вперились прямо в растерянное лицо женщины, изготовившей куклу. Алессандрина видела вместе с ним, видела его взглядом — низко спущенные по щекам и подогнутые к затылку рыжеватые волосы, продолговатое, еще свежее лицо, глаза под высокими бровями, голубые с оливковым ободком, переменчивые и зоркие, полноватый стан, белые пальцы, усаженные кольцами по самые лунки ногтей. Назвать ее она не посмела, только глянула вопросительно и изумленно на дону Карлоса, и ей привиделось, что плечи его покрыты доминиканской белой мантией (ей случалось уже видеть такие на прелатах), волосы коротки, и на темени угадывается тонзура.

— Убери! — коротко велел он. Она повиновалась и унесла подобие в спальню.

Когда она вернулась, вопросы теснились у нее на кончике языка, как черти на острие богословской иголки. Дон Карлос посмотрел на нее через плечо с невеселой улыбкой.

— Вам, часом, не случалось учинять подобного, донна?

— Упаси Бог! — коротко отозвалась она, и добавила, — у меня в распоряжении есть средства более надежные.

Это замечание вызвало у дону Карлоса улыбку чуть более веселую.

— Чего только не същется в старом доме... — вздохнул он, — донна, есть ли у вас время, чтобы меня выслушать?

— До самой вечерни, дон Карлос, мой слух в вашем распоряжении.

— Вот и хорошо. Позвольте ли вы помолиться с вами?

— Грех меня о таком спрашивать, когда заранее знаете ответ.

— Ничего нельзя знать заранее, донна. У вас в этот час могло оказаться свидание с королем, к примеру. Коль скоро ваши приворотные средства более надежны, чем это. — Он кивнул на приоткрытую дверь опочивальни. Получилась двусмыслица, и мона Алессандрина с легким сердцем засмеялась было...

— Странное делается на душе, когда все поймешь, — сказал он, и она притихла, — особенно, когда поймешь через десять лет после того, как оно случилось. А десять лет назад я чуть не соблазнил донну Исабель. Я затеял с ней игру в Гвиневеру и Ланселота, и она стала играть со мной. Посол французский устраивал галантные празднества, на которых она любила бывать. Она надевала маску, но, как говорится, львицу узнают по когтям. Я тоже появлялся там в маске, и меня тоже узнавали.

Я оказывал ей знаки внимания, сперва робкие, потом все более смелые, и в какой-то миг почувствовал, что еще день — и она не устоит, и мир повернется под моими ногами, потому что такие, как она, в любви не мелочатся. А мне хотелось повернуть мир так, чтобы все мои звезды всегда сияли над моей бедной головой.

Но через день посол французский отменил свое празднество. Еще через день я понял, что меня избегают старательно и неприязненно; это меня разозлило, но что взять с Ее Величества? У меня явилась мысль, что она проверяла меня, и я не выдержал искуса. Это вполне в ее манерах. Впрочем, она как будто оставила мне возможность обратить все в шутку, да еще и лестную для нас обоих. Все вроде бы обрело свои места, даже ее неприязнь. В ту пору умерла моя мать, и мне стало не до раздумий о нежных чувствах... Ах, какой я был глупец! — он даже стиснул в досаде подлокотники кресла, — то-то же она уступила тогда фрай Томасу, то-то же ударилась в благочестие, и на Гранаду тогда же пошла!

— Думаете, она любит вас по-прежнему?

— И любит, и ненавидит, все вместе. А главное, себя ненавидит. За то, что на главный грех не решилась, а только слушала мои сладкие речи, да подобие восковое слепила, чтобы власть надо мной иметь. Знать бы, по чьему наущению. Не будь она Величество, гореть ей на медленном огне за такие дела!

— Так заставьте ее гореть на медленном огне, дон Карлос! Шутка ли, когда христианнейшую королеву уличают в таком колдовстве!

Он засмеялся тихонько:

— Вы слишком горячи, донна. Найденное вами подобие на многое открыло мне глаза, это правда, и многое стало бесспорно ясным. Но оно выкрадено вами и не является доказательством ее вины. И даже если бы

подстроить все так, что мои соглядатаи много лет следили за донной Исабель, и сами выкрали подобие, ей ничего не стоит отмахнуться от обвинений — кто такой я, и кто она, и кто из нас кого ненавидит сильнее? И кому выгодно ее осуждение и мое возвышение? Я, все-таки, бастард и наполовину мавр, и с меня не сняты подозрения в том, что я покушался на ее трон. А она — Трастмарра, что можно заключить хотя бы по ее глазам, волосам и страстности.

— А если бы дон Фернандо случайно узнал?

— От кого?

— Скажем, от меня? Скажем, я испрошу аудиенцию, натрусь белилами, чтобы казаться бледной, буду запинаться через два слова на третьем, и скажу, что, вот, нашла, узнала, чье подобие, и не могла хранить от вас в тайне, мой король и господин, богомерзкое сие злодеяние.

Дон Карлос снова рассмеялся.

— Ей-Богу, донна, с вами скучно не станет. Его Величество, вас, конечно, выслушает, утешит, и скажет, что все виновные получают по заслугам. Потом он возьмет с вас клятву хранить все в тайне. А через день-два вы исчезнете, как будто вас не было, и только ваша матушка поплачет о вас в далекой прекрасной Венеции, — улыбка вдруг слетела с его уст, — я не хочу, чтобы вы исчезали, донна. Это несправедливо.

Ей захотелось быть к нему поближе, но встать и подойти она не решилась.

— Но как же тогда? Дон Карлос, как же тогда?

— Я еще не знаю, как, — сказал он мягко, — но постараюсь придумать. И выдумку свою посвящу вам, смелая донна. А пока берегите подобие... Хотя нет, лучше отдайте мне.

К королю, невзирая на все немилости, он входил без доклада. Так и сейчас вошел. И сказал поднявшему голову от бумаг дону Фернандо, что некая особа, приближенная к королеве etc., etc... А потом положил фигурку поверх свода последних реляций о делах в мавританском стане.

— Вот так-так... — сказал дон Фернандо и замолчал.

Племянник ждал.

— Чего только не сыщется в старом доме, — сказал дон Фернандо и замолчал снова.

Дон Карлос продолжал ждать.

Дон Фернандо со всей немалой своей силы саданул кулаком по столешнице, и столешница треснула.

— Ваше Величество, позвольте мне... — начал было дон Карлос, имея в виду попросить защиты от неприязни донны Исабель, и, возможно, даже

тайного расследования – ведь есть положения, в которых мужчины держатся друг друга вопреки расчету и государственной пользе, особенно если они – родня...

– Молчать! — визгливо оборвал его король. Он тяжело дышал, и взгляд его блуждал от предмета к предмету. Потом он встал к племяннику вплотную. Он был ниже, но шире и крепче.

– Что между вами было?

– Ничего, Ваше Величество. Ничего, кроме той давней легкомысленной и забавной игры, которую все...

– На распятии клянись, мавританское отродье, что ничего!!!

Побледнев, дон Карлос требуемое исполнил.

– Сукин сын, — сказал король, отходя, — Ланселот ... — одним коротким прилагательным он выразил то, что думал о Ланселоте, и неожиданно спросил, — ты этой иудейской дочке Маргарите обещал корону? Было?

– Не помню, Ваше Величество.

– Не помнишь. Еще б ты помнил, племянничек. А жене своей скажи – это ведь она отыскала? — Его Величество сузил светлые злые глаза, — чтобы на людях впредь молчала и улыбалась. И чтобы ни одна юбка к ней близко не подобралась, будь добр, проследи хорошенько. Особливо — маркиза Мойя.

Король сказал так, но, когда племянник ушел, задумался. Дон Карлос не из тех, кто без задней мысли желает ближнему добра. Значит, от добра добра ищет. Какого бы? Какого?

Отплатить донне Исабель — первое, что приходит на ум. Тут король был не то, чтобы на его стороне, но и не на стороне донны Исабель. Донна Исабель всегда была неоправданно сурова к Карлосу, и суровости этой почти не скрывала. Ему, дону Фернандо, не раз приходилось за племянника заступаться. Карлос ему наверняка за это благодарен. Только благодарность его странноватая весьма.

Или службу сослужить хочет, милостью заручиться на годы и годы? Иной бы и на смертном одре не признался, что вождеделел супругу сюзере-на, и едва ее не добился.

Любопытно, случайно ли его английской женошке эта кукла на глаза попала? Очень может быть, что случайно. Элизабета — чужеземка, местных порядков толком не знает. Подсобляя при королевском одевании, могла по ошибке не в тот ларчик заглянуть. Супруга своего она смерть как любит... Каково-то ей было в королевском ларчике да такое найти?

Э, нет. Что-то здесь не так. Донна Элизабета, конечно, дама сметливая и решительная, только не похоже это на нее, при всей ее безмерной любви

и ангельском благочестии. Не та у нее любовь, и благочестие не то. Могла она, конечно, дону Карлосу под большим секретом рассказать о том, что видела, а уж он придумал, как это можно заполучить. Служаночек очаровывать — это для него как раз.

Так-так, только камерэры у донны Исабель с ранней юности служат... И все они — истые кастильянки. Вряд ли они на такое пойдут за сладкие речи, и тем паче за звонкую монету. А кто еще в ее личные покои вхож? Пажи? Швей? Кружевницы?

И тут донна Фернандо как ожгло.

Алессандрина.

Больше некому.

Он скорее почувствовал, чем услышал человека у себя за спиной и обернулся стремительно, как хищник. Там стояла донна Исабель, и живое лицо ее было бледнее беленой стены.

— Очень кстати пришла, как всегда. Как чувствовала.

Она молчала.

— Что будем делать, донна Исабель? А?

Она молчала.

— Это что же получается, моя супруга и королева? Инквизицию мы учредили, священную войну ведем с Божьей помощью не без успеха, поход хотим через Море Мрака учинить, а ты тем временем вождедеешь к моему племяннику, да еще в подобия его булавками тыкала? И ведь не отроковица была, ведь в зрелых летах уже пребывала.

Он дал ей осознать всю глубину своего падения, и сам поразмыслил о положении вещей. А положение ничуть не изменилось: она его супруга и королева, он ее любит и почитает, тем паче что до прелюбодеяния она не довела, и раскаялась. Дон Карлос не из тех, что болтают. Алессандрина... О ней можно позаботиться и позже.

Он улыбнулся.

— Не думайте, моя донна, что я буду вас порицать. Время уже ушло, и с тех пор вы много раз искупили ваши грехи. Все мы порой искушаемся. Посему давайте забудем о недоразумении, оно не достойно долгой памяти, а это, — он брезгливо взял куклу двумя пальцами, — бросим в огонь.

Так сказал король, дабы королева ушла от него с легким сердцем.

Но мужчина был слишком зол на себя, и его сердце не было легким.

Уныло голосили раненые. Снаружи просветлело — вот-вот — и солнце, взбудораженный воздух был наполнен блеском воды и острым дыханием сырого ветра, летящего по следу торнадо. Ощущаемый в воздухе след да-

леко расходился с ее дорогой - небрежно залакированная ливнем, цвета охры, она вела к морю, в город, на запад, и казалась безопасной. Однако, стоя на стертом пороге бокового портала, она долго глядела - нет, не на дорогу, а в сторону, на слепую серую завесу, где ей все мстил серый крутящийся столп, и когда поняла, что нет, не мстится - он вправду стоит там, не приближаясь и не удаляясь, кто-то из-за плеча испуганно сказал: «Он за тобой...», и небо сразу подернулось тенью, а блеск воды угас...

День десятый.

В который все, как будто бы, возвращается на круги своя.

Мона Алессандрина выбирала золото. Пальцы ее, в этот раз лишённые неизменных колец, чтобы удобнее было примерять новые, касались цепей и ожерелий так, словно те были живыми и теплыми. Хотя такие длинные членистые создания, как цепи и ожерелья, даже будь они живые, теплыми быть вряд ли могут... Где вы видали теплую тысяченожку, сеньоры? Ох, голова, голова, какие мысли в ней крутятся, когда она раскалывается от боли!

Он закрыл глаза. Не помогает, но все же... Будь проклят англичанин! О-о! И что его понесло с ней к ювелирам?!

Перед глазами плыла ненаписанная записка: «Любезная донна! После всех волнений вчерашнего дня я не в силах даже пошевелиться из-за головной боли, которой меня наградила мой английский соперник... Но как только оправлюсь, сразу навещу вас и расскажу новости...» Нет, не «оправлюсь» там было, там было «воскресну». Да какая же разница, если вместо записки он притащился сам, едва не вывалившись по пути из носилок, и, пока ехали к ювелирам, рассказывал о своем разговоре с королем, слушал сочувственные вздохи и тихий смех, и только морщился, когда боль с особой силой впивалась в виски.

Ну, неужто она выбрала, наконец?

Выбрано было на целое состояние. Он велел склонившемуся хозяину-мараносу прислать за деньгами в его кастильо д'Агилар, даже не взглянув на приобретения. Завтра снова будут сплетни.

Да когда же уймется эта мигрень?!

А Алессандрина непременно залучит его к себе, чтобы примерить украшения и ему в них показаться.

В качающемся полумраке носилок он жалобно признался ей, что еле

жив от боли, и вряд ли сможет разделить ее радость по поводу чеканного венца с пятью зубцами и семью налобными подвесками, парных запястий и ожерелья из сканых золотых бусин, достигавшего колен, если носить его в один ряд, и пупка, если в два. Она спокойно подняла руки и приложила пальцы к его онемевшим вискам. Прикосновение как будто вытянуло из черепа толику боли; впрочем, он уже так устал носить ее в себе, что чувства могли притупиться. Опустив голову Алессандрине на грудь, он ждал, когда носилки встанут.

Мессер посол пребывал в нетерпении. Только что он получил два королевских приглашения для себя и моны Алессандрины: в Алькасар, на ужин, сегодня вечером, и на охоту утром через два дня. О причинах он, будучи по долгу службы наблюдательным, догадывался, что переполняло его гордостью за «любезную племянницу». Тем досаднее, что она проводит время с этим смазливим ничтожеством. Когда она появилась, он по шкатулке в ее руках понял, что время прошло не зря, и несколько этим утешился (чужая ловкость не вызывала у него зависти), но все же решил дать ей два-три совета относительно того, как должна держаться особа, заслужившая монаршую благосклонность.

Дон Фернандо был сама любезность.

— Королевскую охоту устраивают не ради пропитания насущного, а ради увеселения, — шуточно поучал он мону Алессандрину, — так что упаси вас Бог надеть охотничий костюм, или что-нибудь мрачное. Могли ли я просить вас облачиться в это же гранатовое платье, которое на вас сегодня? Гранатовый цвет вам изумительно идет, и он не кладет бликов на ваши щеки...

— Это потому, что ворот очень низок, — кокетничала мона Алессандрина. Придворные во всю на них косились. Ожерелье из сканых золотых бусин в четыре ряда лежало на ее груди, мелкие топазы поблескивали в завитках скани капельками росы, подвески раскачивались надо лбом при каждом угодливом кивке. Она опять была хороша, но огненосное ¡Yo el rey! больше не уязвляло королевского чела. Король посожалел в глубине души, что не может позволить себе такую любовницу — времена Ла Фермозы миновали.

И слава Богу.

Подошла маркиза Мойя. Она с непринужденной похвалой отозвалась о венце и ожерелье, и о вкусе донны Алессандрины к драгоценностям, и сказала, что хотела бы хорошенько их рассмотреть, но на людях неудобно. Поняв, к чему она клонит, мона Алессандрина первая предложила начать

поиски безлюдной галереи, но вместо галереи маркиза провела ее в смежный покой, к королеве. Некоторое время дамы действительно с примерным вниманием рассматривали старинную работу, чуть слышно цокая языком и покачивая головой. Потом маркиза извинилась за прямоту вопроса, и спросила, сколько правды в слухах о том, что драгоценности — подарок дона Карлоса. Мона Алессандрина с улыбкой призналась, что это вся правда и есть.

Донна Исабель подняла и без того высокие брови. Беатрис, маркиза Мойя прикусила язык. Она-то думала, что итальянка начнет увиливать, и разговор можно будет вести намеками, как то и положено благородным особам. Но как подступиться к женщине, которая не считает зазорным принимать королевские подарки от женатого мужчины? И следует ли к ней после такого подступаться? Является ли она в полном смысле благородной, если позволяет себе подобное?

— И по какому же случаю дары? У вас были именины? Или вы сделали дону Карлосу столь великое одолжение, что он не мог отблагодарить вас иначе? Согласитесь, это странно, когда незамужняя девушка, да еще живущая в доме своего родственника, принимает такие знаки внимания, как должное. Тем более, что родственник — не частное лицо, а посол могучей державы. В свете идут разговоры, совсем не лестные для вас, и я хотела бы вас предостеречь, милая моя. К тому же чести дона Карлоса не так давно был нанесен существенный и весьма оправданный обстоятельствами урон, — донна Исабель имела больше прав говорить без обиняков, и правами этими воспользовалась. В голосе ее звучала прямо-таки материнская тревога, но мона Алессандрина не была склонна видеть родную мать в коронованной советнице. Она представила, каких советов надавала бы ей в этом случае ее настоящая родительница, и чуть не рассмеялась.

— А вы не думаете, Ваше Величество, и вы, ваша светлость, что меня с доном Карлосом могла связать любовь? И что его дары — это дары великой любви?

Итальянка не шутила. Она с вызовом говорила почти что дерзости, еще чуть-чуть, и маркиза почувствовала бы себя оскорбленной. А донна Исабель наверняка уже почувствовала и в долгу не останется. Кроме того, отчетливый голос итальянки мог долететь до прочих гостей.

— Великая любовь доказывается великими деяниями, а не великими и трижды великими тратами, вам ли того не знать? — маркиза приняла тот же вызывающий тон. Две женщины оказались на равных, взяв королеву в судьи.

— Что же делать, если в наш унылый торгашеский век только великие траты и могут быть сочтены великими деяниями? И дама не может выка-

зять свою благосклонность иначе, как только приняв подарок.

— Я с вами не согласна, милая моя, — ласково сказала донна Исабель, но в голосе ее слышался опасный посвист, — не знаю уж, как у вас на Родине, но здесь, в Кастилии, рыцарь может завоевать благосклонность своей дамы, не прибегая к мощне. Я не буду говорить вам о славных воинах, которые сражаются с маврами, а расскажу историю, связанную как раз с той персоной, чьи подарки вы считаете знаками любви.

Алессандрина хотела сказать, что знает эту историю, но в снисходительно прищуренных глазах королевы давно плясали голубоватые гневные сполохи; итальянка сочла за лучшее придержать язык.

Королева ни словом не упомянула о том, что отец донны Маргариты — маран и отступник, и что ему удалось бежать. Она всячески превознесла супруга этой донны Маргариты, донна Питера: славный рыцарь и благочестивый католик, он одинаково решительно защищал честь своей невесты, и честь ее кузины Элизабеты, которая, прежде чем стать грандессой и дамой, наделала немало глупостей. Не будучи богат, знатен и расточителен, дон Питер покорила первую красавицу Англии исключительно своими рыцарскими добродетелями. Донна Маргарита не променяла его любовь даже на корону, которую сулил ей дон Карлос.

— Каждому свое, Ваше Величество. Кому-то утешаться с рыцарями, кому-то обманом становиться грандессой, а кому-то принимать подарки от обманутых грандов. Мир жив разнообразием. Когда добродетель не противостоит пороку, она перестает быть добродетелью. А великая любовь принимает разные обличья и говорит на разных языках. Язык золота — в их числе, и я осмелюсь предположить, что он не хуже и не лучше других. Могу сказать, что тысяче сладких слов я предпочту подарок в тысячу флоринов.

— А я осмелюсь предположить, что его светлость не скупится ни на слова, ни на флорины, — совсем зло сказала королева, чувствуя, что втянута в недостойную перепалку, прекратить которую можно, только осадив итальянку так, чтоб той впредь было неповадно, — однако вам, милая моя, следует быть осмотрительнее, ибо по вам будут судить о Венеции... Не так ли, любезный дон Карлос?

За спиной у Алессандрины стоял улыбающийся маркиз. Верно, он слышал часть разговора и пришел ей на помощь.

— Не вижу повода осуждать Мадонну Венецию, — лукаво сказал он, — и не кажется ли вам, моя королева (донна Исабель оторопела от такой вольности), — что сиятельный посол дон Федерико верней наставит донну Алессандрину в вопросах поведения, нежели мы с вами?

— Безусловно, это так, — ответила королева, совладав с оторопью, —

но я, кажется, на правах государыни могу указать вам, что вашими опрометчивыми поступками вы даете пищу нелестным слухам о той даме, которой вы служите, и честь которой для вас должна быть всего превыше. Так что вам необходимо принять во внимание ее положение и ваше, и вести себя более сдержанно. Вы уже не мальчик, мой друг, а она еще почти ребенок.

— Все так, Ваше Величество, все так, — послышался насмешливо-покорный голос маркиза, — но вот беда: у нас с донной Алессандриной родственные души, нас неудержимо влечет друг к другу, и порой...

Договорить ему не позволили:

— Ах, теперь это так называется? — королева выдержала паузу, дабы все осознали, что именно здесь названо «родством душ», — и это «родство душ» обязывает вас, дон Карлос, к тому, чтобы возить ее в своих носилках и увешать золотом с ног до головы? — она намеренно не стала сдерживаться.

— Как родственные души, мы испытываем одинаковую тягу к благородным металлам, Ваше Величество.

Это было уже слишком. Эти прелюбодей с прелюбодейкой словно соревновались: кто тоньше и смелее надерзит. И Господь с ней, с венецианкой, которая возомнила себя искусительницей короля, но скоро уберется в свое болото, однако дон Карлос непростительно осмелел. Ну, ничего, на послезавтрашней охоте они с верной Беатрис де Мойя пустят в ход свои острые языки. На охоте всегда сыщется много поводов пошутить.

— Вашу новеллу о великой любви вы, кажется, начали писать без меня? — дон Карлос увел Алессандрину от разъяренных дам под предлогом того, что хочет показать ей Алькасар. Только непонятно было, кому он этим оказал большую услугу — своей «родственной душе», или своей королеве.

— Вдохновение не привыкло ждать, дон Карлос.

— О да! Вы очень вдохновенно надерзили там, где дерзить ни в коем случае не следует. Я мог бы считать, что отмщен, кабы не знал так хорошо донну Исабель.

— Касательно дерзостей, дон Карлос, я должна заметить, что временами у меня кружилась голова от вашей смелости, — она согнала с губ улыбку, — вы упрекаете меня за опрометчивость?

— Я упрекаю себя за опрометчивость, донна. Но совсем чуть-чуть. А вас не упрекаю ни в чем. Великой любви все простится, а что не простится, то забудется — он непринужденно подал ей руку, она оперлась...

— Сиятельный маркиз, кажется, опять все перепутал. Эта милая особа

вовсе не донна Элизабета.

Знакомый голос. Голос графа Мирафлор. А у него, дона Карлоса, полшага на то, чтобы ответить или не ответить. Обыкновенно он не отвечал. Но обыкновенно он появлялся в Алькасаре один. Алессандрина шевельнула губами. Заступаться, что ли, за него собралась?

— Я рад, что высокочтимый граф Мирафлор, в отличие от меня, не путает своих женщин, — ровным голосом отшутился дон Карлос.

— А я рада тому, что ни в коей степени не похожу на донну Элизабету и меня нельзя с ней перепутать! — подхватила Алессандрина, приседая в реверансе.

— Сиятельный граф, есть иная опасность, — обратилась она к Мирафлору, несколько опешившему, (потому что он-то рассчитывал вогнать маркиза в краску), — дон Карлос так любезен и добр ко мне, что я незначай могу принять его дружбу за нечто иное. Но в этом будет только моя вина. *Mea culpa! Mea maxima culpa!* — и с этими словами она потянула своего спутника прочь.

«Представьте же себе, каково выслушивать подобное по десять раз на дню!» — хотел вслух посетовать дон Карлос, но не посетовал.

Он проходил мимо насмешек, словно они и не сотрясали воздух. Но они жили в нем вместе с голосами и улыбками насмешников. Он ощущал их, то как ядовитые шипы, то как маленькие кровососущие жала. С каждым днем их вонзалось все больше, и все глубже они проникали в него. Зря он не отвечал на них хотя бы так, как сегодня.

...Возле самого города, лежавшего в отдалении дымчатой мозаикой, дорога шла по холмам. Окружающий вид стал разнообразнее и пестрее, то тут, то там краснела черепица, белела колокольня или ограда, желтел посеv или чернела пашня, светлела переменчивая под облачным небом вода - да и ложбины с возвышенностями не давали глазу соскучиться: словом, это было всем приятное путешествие - если бы не менялось так быстро небо, еще минуту назад почти чистое (солнца, однако, не было - хоть время, казалось, было полуденное!), а сейчас испещренное сине-белыми крутобокими облаками.

Больше всего их теснилось на севере и востоке. Они скользили с поразительной быстротой, как будто сами по себе (здесь, внизу, ветра не было), заполняя оставшуюся голубизну - их подбрюшья тяжелели и темнели, подергивались странным туманцем, который густел в белесую пелену, похожую на сухие паучьи тенета.

Она уже поняла, к чему это. Она уже искала взглядом укрытие, но все деревни, будь они неладны, оказались в чудовищном отдалении - словно

на дурной картине, написанной без оглядки на перспективу. Хуже того - гряда холмов стала выше, и пологие склоны тянулись вниз на мили и мили, переходя в лоскутный покров полей.

Она поспешала, шагая как могла шире, шаг ее то и дело срывался в шаткую рысь - памятную телу по прежним снам и по яви.

Однако странное состояние воздуха изрядно искажало перспективу - потому что одна из усадеб, выстроенная на склоне, чуть ли не подкатилась ей под ноги: в мощеном покато дворе суетились женщины. Она обогнула жилище, рассчитывая спуститься как можно ниже. Неожиданно совсем близко открылся город - ярусы предместий, выкипевших аж на стену: видны были только зубцы, обведенные серебряным светом, отраженным от моря... А над морем языком вытянулась черная, сплывшаяся от собственной тяжести туча, и с нее опускалось в воду нечто, похожее на дымный сталактит... Торнадо! Охвостье его исчезало в угрожающем блеске воды, и он сейчас должен был наскочить на гавань!

Фонтаном взметнулись обломки. Еще! Еще! Черный смерч окутался дымом и стал толще - словно он кормился разрушением. Завороженно следя за ним (почему она при этом стояла на четвереньках?) она забыла об опасности сзади, и всполошилась лишь когда на плечи почти осязаемым грузом легла мгла.

Там, за спиной, все было в пепельных, от земли до неба тенетах - был это ливень, или движение воздуха так странно влияло на мокрую хмарь? Среди них, неподвижных, шествовал торнадо - и ее пронизала тягучая судорога узнавания - словно столп из ветра, земли и воды был живым, имеющим имя и душу врагом. Он шествовал, подпирая слившиеся в единый свод тучи, втягивая в себя новые и новые полосы тенет. Его голос овладел воздухом и заместил воздух.

И он близился.

Она легла наземь лицом вниз под напором тугого ветра; через миг он оборвался, и пало безмолвие. В безмолвии она подняла от земли отяжелевшую голову:

Торнадо был рядом.

Но это был уже не он.

Зримо упругий, точно свитый не из воздуха, а из прозрачных жил, сверху донизу пронизанный белым сиянием столп толщиной в ее - не больше - охват стоял, казалось, на расстоянии протянутой руки, не вызывая ни малейших колебаний воздуха.

День одиннадцатый

На исходе которого мона Алессандрина становится женщиной

— Дон Карлос, друг мой, он сделал мне подарок! Он подарил мне белую лошадку, такую же как у вас, нарочно к завтрашней охоте, — Алессандрина явно хотела что-то от него услышать. Она сидела перед ним, смотрела ему в глаза и, наверное, отражалась там вся, как есть: слегка ссутулившаяся, теребящая плетеный край рукава, ожидающая слова, ласки, мимолетного мановения руки, отмечающего прочь все кручины и печали.

— Ну, придется мне подарить вам двух лошадок! Одна будет гнедой масти, другая — вороной. Таким образом, у вас будут три разномастных лошадки, и вы всегда сможете выбрать ту, которая будет лучше сочетаться с вашим платьем.

— Я вовсе не напрашивалась на подарок, дон Карлос, — Алессандрина была одновременно польщена и разочарована. Она ждала других слов - серьезных и тревожных, чтобы, оттолкнувшись о них, рассказать Карлосу о торнадо и спросить, не стоит ли ей при новом его явлении - раз он встречает его изо сна в сон - попросту шагнуть в ветряной столп.

— Я знаю. Донна Алессандрина, сегодня вечером я позвал тех, которые еще остались моими друзьями, в мой загородный дом. Среди них есть и дамы. Там будет маленький пир в духе старой Византии. Могу ли я рассчитывать, что вы примете приглашение, и прислать за вами носилки после вечерни?

Черные носилки ждали ее у паперти, и в них был он сам, одетый пышно и мрачно в долгополое, с вырезными рукавами платье, щедро подбитое никогда не виданным ею соболем. Когда она садилась в носилки, ей послышался за спиной шепоток, пробежавший среди выходящих прихожан, но тут плотные занавеси сомкнулись, шум стал глуше, а свет исчез.

Носилки привезли их к очень старинному мавританскому дому; он стоял в предместье, уже за крепостной стеной, и был укрыт высоким дувалом.

Стойкий дух сандала и розы наполнял каждую трещинку, каждую ложбинку арабесков, сплошь оплетающих стены и многосводчатые потолки. Слабо освещенные покои были полны вкрадчивого молчания ковров — ничто не скрипело под ногой, не падало со стуком на каменные плиты, отзываясь эхом в каждом закоулке. Чем дальше вел ее под руку хозяин, тем больше ароматов сплеталось в густеющем воздухе.

Путь окончился в довольно высоком расписном покое. Лепестки живых роз (откуда? — зимой!) медленно опадали с деревянной галерейки, и на этом вся Византия заканчивалась. Прочее было Мавританией, только Мавританией. «У меня две Отчизны... Но одна скоро падет...» Он оставил одну ради другой, но этот осколок нежно хранит у сердца.

Покой был пуст.

Тонкий дымок кудрявился над курильницами, и сладкий холодок лада-на чувствовался в этом дымке наравне с приторным, почти удушливым благоуханием неизвестного вещества. На Алессандрину этот запах нагнал тоску.

— Скоро ли начнут собираться? — спросила она, проходя по коврам к столу.

Карлос смотрел на нее и вспоминал графа Мирафлор. Она не похожа ни на одну из двоих, принесших ему беду. Она — мед и золото, чистый мед и чистое золото, мед в ее темных глазах, золото — в мелко завитых волосах, и вся она точно припорошена им: проведи пальцем по выступающим позвонкам, и на пальце останется золотой налет.

— Все уже в сборе, донна, нам некого больше ждать.

Между ними сиял карафинами и блюдами стол; стол походил на город, полный арен и мечетей.

Они смотрели друг на друга поверх сияющего града-на-столе. Розовые лепестки соскальзывали с ее гранатового платья, но оставались на волосах.

«Ты умница, ты догадаешься...»

— Вы верно меня поняли, донна. Вы мой единственный друг, и вы дама; я не солгал вам, когда говорил о дамах и друзьях.

По ее молчанию он подумал было, что гостя сердится, и удивился, когда, не сказав ни слова, она села и позволила налить себе полный бокал вина.

Вместо двух высоких кресел был диван, полукругом огибающий стол, и их, севших рядом, не разделяло даже самой маленькой подушки.

— Вы дадите мне знать, когда мое общество вам наскучит?

Она кивнула, подняла бокал и краем его задела край д'Агиларова бокала — звон — должно быть, это излюбленный обычай Венеции, где стекло такое звонкое.

— А сейчас, донна, будет маленькое развлечение. О ней только и говорят в городе, и я нанял ее на этот вечер нарочно, чтобы показать вам...

Алессандрина подумала, что об этом найме тоже — всенепременнейше — будут говорить в городе.

Заиграла музыка, вначале чуть слышно, словно настраивая слух и зре-

ние.

— Ее зовут Арана. Это фамилия, но звучит, как языческое имя. Говорят, дон Кристобаль от нее без ума.

«Арана» было последнее, отчетливо расслышанное Алессандриной, потому что горячая невесомая рука обняла ее, и пальцы погладили плечо сперва поверх рукава, а потом, перебравшись чуть выше — по открытому телу.

Арана танцевала танец, неизменный со времен Тира и Гадеса. Одно за другим спадали с нее семь ее покрывал.

Алессандринка смотрела на Арану, ощущая тепло, льющееся от обнявшей руки.

... Дон Фернандо стискивал со всей силой жаждущего.

... Дон Карлос до сего дня обнимал, конечно, не как друг, вовсе нет. Просто он до того стосковался по женщинам, что обнял бы любую, не склонную врать.

Но это его обволакивающее объятие вытягивало из нее последние мысли, оставляя одну только о том, что, кажется, кажется... Дальше слов не нашлось. Вернее, она побоялась назвать кажущееся словами.

Если они так и будут глазеть на Арану, оба делая вид, что его руки нет на ее плечах, то это будет предательством. Ее предательством. Одна предала его, рассказав про корону. Ей, Алессандрине, и рассказывать ничего не надо: не замечай себе обнимающую руку.

Ведь он-то уже сделал и первый, и второй шаг, и третий. И у него нет права хватать ее в охапку и валить на перину!

Наученный горьким опытом, Карлос отпустит ее, и до самого прибытия галеры будет ей другом. Он сам возвел ее в свои друзья. А для прочих довольно и признаков того, что они — любовники.

Она повернулась, и встретила его взгляд.

Просто смотреть друг на друга дольше, чем два удара сердца, они не могли.

Кружилась Арана, скинув последнее покрывало. Падали из темноты в темноту лепестки.

На этом мы заканчиваем печатать главы из романа. Желающие прочитать роман полностью могут сделать это на нашем сайте в разделе "творчество авторов".

Соломон Кагна

*La dolce vita*¹. Рассказ.

Однажды вечером к нам пришла какая-то безобразная старуха. Мать фамильярно называла её Женей. Они ужинали и о чём-то тихо разговаривали. Меня всё это мало интересовало. После ужина мать сказала:

– Ну, Женя, ты поела, попила, а теперь иди.

Старуха злобно огрызнулась:

– Никуда я не пойду! Сама убирайся отсюда!

К моему удивлению мать безропотно постелила ей на раскладушке в коридоре.

С тех пор старуха регулярно появлялась у нас примерно раз в неделю. Мать покорно предоставляла ей ужин и ночлег. В конце концов, я спросил у матери, кто же эта такая. Её ответ меня просто поразил:

– Это моя старая подруга.

Видимо, на моём лице отразилось такое удивление, что мать достала альбом и показала мне снимок. На нём были изображены две молодые красивые девушки на пляже в старомодных купальниках. В одной из них я узнал свою мать.

– А это Женя, – ткнула мать пальцем во вторую. – Она очень изменилась.

Из коротких ответов матери и отрывочных разговоров родственников постепенно складывалась история сладкой жизни Жени. Они с моей матерью были закадычными подругами. Вместе окончили рабфак и поступили в университет на физико-математический факультет. Впрочем, моя мать вскоре ушла оттуда. Она объяснила это тем, что отец умер, её мать осталась одна с тремя детьми. А так как она была старшая, ей пришлось идти работать. Тогда я ей безоговорочно поверил. Впоследствии у меня появились сомнения в истинности её рассказа. Скорее всего, мать бросила университет, «убоявшись бездны премудрости», либо там ей порекомендовали найти другое применение своим способностям.

А Женя осталась учиться в университете. Её мать прекрасно знала натуру своей дорогой дочки. Чтобы заставить её заниматься, она ставила перед ней две вазы, одну с печеньем, а другую с конфетами. Женя грызла лакомства, а заодно и гранит науки. Не знаю, что она там понимала в физике, но диплом об окончании университета она получила.

¹ Сладкая жизнь (итал.).

Шло время. Её мать умерла. Своего отца Женя никогда не видела. В своё время её мать обошлась без официальной регистрации своих отношений с ним. Женя жила в центре города в коммунальной квартире, в комнате, где она раньше жила с матерью. Работала Женя преподавателем физики в артиллерийском училище. Она хвасталась, что когда она входит в класс, дежурный отдаёт ей рапорт. Ей почему-то казалось это очень престижным. Всё было хорошо за исключением одного. Не складывалось у неё почему-то с замужеством, а возраст уже перешагнул за тридцать...

И в это время закрутился у неё служебный роман с одним из преподавателей училища. Поскольку проблем с местом для интимных встреч не было, начался бурный секс. Женя оттягивалась по полной программе. Она отводила душу и ублаговывала тело. Но, как известно, у каждой медали есть оборотная сторона. В конце концов произошло то, что рано или поздно должно было случиться. Женя залетела. И перед ней во весь рост встал извечный вопрос, приобретший большую популярность после появления в своё время утопии с одноименным названием¹.

Надежды на брак со своим секс-партнёром у неё не было никакой. Он был женат и разводиться не собирался. Аборты в то время были запрещены. Стать матерью-одиночкой? Даже мысль об этом была для неё совершенно неприемлема. И тут в душе любительницы сладкой жизни возник дьявольский план.

Она скрыла свою беременность. Об этом знала только её соседка по коммунальной квартире – медсестра. В положенное время Женя родила в домашних условиях с помощью этой медсестры. Родилась девочка. Соседки задушили её и сожгли труп в печке. Тогда в Ленинграде ещё далеко не везде было центральное отопление. Оказывается, для того чтобы додуматься до формулы «Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы» большого ума не надо. Преступницам казалось, что они спрятали концы в воду, и всё будет шито-крыто. Ан нет, получилось иначе.

Во время родов у Жени возникли разрывы, и ей пришлось через некоторое время обратиться в медицинское учреждение. Там, разумеется, сразу же увидели, что она роженица, и, в соответствии с должностной инструкцией, сообщили об обстоятельствах дела куда следует.

Началось следствие. Медсестра проходила по делу как соучастница, а секс-партнёр – в качестве свидетеля. На суд он не явился. Пришла его жена и принесла справку, что он не может участвовать в судебном заседании по болезни.

Женю приговорили к восьми годам колонии. Она рассказывала, что

¹ Чернышевский Н. Г. Что делать?

там ей, как человеку с высшим образованием, предложили работать в библиотеке. Она отказалась: «Я лучше отдохну». Всё-таки превратить исправительное учреждение в дом отдыха у неё не получилось. Пребывание в этом не самом лучшем месте на нашей планете пагубно отразилось на её здоровье и внешности.

Она хвасталась, что когда она освободилась, то сам начальник колонии провожал её на поезд.

— Ещё бы, – язвила моя мать после ухода Жени, – он, должно быть, пел и танцевал от радости, что наконец-то избавился от такой клиентки. А провожал он её, чтобы лично убедиться в её отъезде. На прощанье, наверно, ещё и паровоз поцеловал от избытка чувств.

Женя оказалась в Ленинграде без жилья и без средств к существованию. Что ей оставалось делать? Только ходить по знакомым, чем она и занялась. Её мать была тётка общительная, и знакомых у них с Женей было много. Однако вряд ли кто-нибудь обрадовался её появлению. Если уж моя мать пыталась выставить свою закадычную подругу, хоть и бывшую, на улицу на ночь глядя, прекрасно зная, что той некуда пойти, то что же говорить об остальных. Никто не хотел общаться с детоубийцей. Моя мать возмущалась:

— Родилась девочка, хотела открыть глазки, а они её задушили и в печку сунули!

Тем не менее, некоторые её принимали. Женя составила расписание и старалась появляться в одном месте не чаще, чем раз в 7 – 10 дней. Случались у неё и осечки. Как-то раз я слышал, как она звонила от нас по телефону и злобно кричала своим хриплым голосом:

— Мы с вами договорились, что я к вам приду! Для чего же я пришла?! Чтобы поклониться в закрытые двери?!

Женя всяческими путями пыталась получить жильё. Она даже написала письмо с просьбой об этом Ворошилову, он был тогда председателем Президиума Верховного Совета СССР. В конце концов жилплощадь ей дали. Не знаю, это письмо повлияло или что другое, но моя мать говорила, что «Ворошилов дал Женьке комнату».

Потом она перестала к нам приходить. Никто этим не опечалился. Через некоторое время как-то случайно зашёл о ней разговор:

— Что-то Женьки давно не видно.

— Может, она уже умерла, – равнодушно обронила моя мать.

В своё время было много полемики о том, разрешать ли аборты. Сторонники разрешения выступали под лозунгом: «Женщина должна сама решать, рожать ей или нет». В конце концов аборты разрешили. Но оказа-

лось, что это не панацея. До сих пор находят младенцев в мусорных баках. Согласно милицейским сводкам пик количества брошенных (подброшенных) младенцев начинается ровно через девять месяцев после начала курортного сезона. Мне было непонятно, зачем идти на преступление, если можно легально сделать аборт. Одна дама, которой я высказал своё недоумение, пояснила мне:

— Так на аборт сейчас надо идти. А рожать ещё когда! Некоторых это устраивает.

Мне вспоминается реплика одного из персонажей популярного в своё время кинофильма¹:

— Живут не для радости, живут для совести.

Я бы слегка переформулировал её: «Живут не только для радости...»

Но как довести эту мораль до сознания любительниц сладкой жизни?

¹ Покровские ворота.

Мария Чулкова

Планета Suomi

Продолжение. Начало в номере 2 / 2011.

Глава седьмая. Детки, белочки и...синяя коробочка.

Варвара всегда приветлива, улыбчива. Ей хочется каждого назвать ласкательным именем: Машенька, Сашенька, Ванечка, Танечка... И не только детей, но и взрослых. А чем уж они особенно отличаются от детей? Вчерашние дети, только выросшие и научившиеся терпеть. Но им так же, как и детям, а иногда еще больше, требуется и внимание, и забота, и ласка. А разговоришься с ними по-настоящему, тут и вовсе все детское начинает проступать с неожиданной силой: и поябедничать немножко могут, и расхотаться с детской непосредственностью, и разоткровенничаться, да так, что все о себе выложат, ничего не скроют, никакие подробности не упустят, опять же как малые дети.

А здесь на новой Родине все чувства немного обостреннее, резче проступают, и какой бы ты ни был взрослый и как бы не умел терпеть и скрывать, не всегда эти чувства удастся запрятать глубоко-глубоко, чтоб не вырывались наружу.

Вот и самой Варваре тоже приходится иногда скрывать приступы грусти, которые не спрашивая подступают аж к самому горлу, так что даже глотать больно.

Казалось бы, что ей, Варваре, особенно нужно от этой жизни, когда половина ее уже растворилась в вечности, а вторая нынешняя половина приобрела совершенно иные очертания и иную окраску? Замереть бы и тихо наблюдать за этим новым явлением под названием «чужеземная жизнь», чем не серьезная исследовательская задача, требующая и ума, и терпения, и наблюдательности?

Но пассивное, недеятельное состояние – это не в характере Варвары. Замирать она не любила, а когда уж приходилось преодолевать грусть, то начинала вспоминать, что существуют же на свете профессии путешественников, страноведов и краеведов всяких. Не теряются же такие люди вдали от Родины, а наоборот начинают пользу приносить своим проникновением в другую жизнь!

Примерно такое направление мыслей могло повлиять на улучшение Варвариного настроения, но мысли – это еще не деятельность. Правильно когда-то определил Максим: тетя Варя любила трудности и шла всегда им навстречу, естественно, чтобы преодолеть их. Так она оказалась в Наркологическом центре и придумала там Живой уголок.

Однажды просто узнала или услышала от каких-то знакомых, что к наркоманам никто не идет, но этому центру очень нужны волонтеры просто для общения с его пациентами. И она пришла и принесла черепаху. С этого все и началось.

Но Максу не случайно было непонятно, работает там тетя Варя или просто приходит помогать. Она бывала в центре так часто, что можно было подумать – она там работает. Но на самом деле финансовую поддержку в виде гонораров оказывала Варваре редакция одного небольшого журнала, для которого она писала различные статьи, в том числе о детях, животных и...наркоманах, то есть о их непростых судьбах. В центре же ей ничего не платили, но иногда кормили вкусными обедами.

Варвара могла грустить сама, но совершенно не переносила этого состояния в других. Спешила на выручку, потому что это тоже, скорей всего, было трудно. Как человека развеселить, как отвлечь от грустных мыслей? Далеко не каждый захочет, чтобы ему помогли или его веселили. Особенно взрослые, которые умеют терпеть и скрывать...

Варваре неожиданно вспомнилась Танюшка и то, как года два тому назад зародилась их дружба.

Девочка и раньше попадалась Варваре на глаза и удивляла своей детской самостоятельностью. Родители девочки пели в церковном хоре, а она без них скучала, но вида не подавала. Она сколько могла стояла на церковной службе. Потом подходила к столику для записок, брала лист бумаги, ручку или карандаш и начинала рисовать. Делала она это самозабвенно, настолько погружаясь в свое занятие, что уже ничего более не замечала вокруг себя. В то время Танюшке было четыре года, и она совсем ни с кем не общалась, хотя в храм приходило всегда немало детей и даже много ее ровесников.

Однажды Танюшка сидела на деревянных ступеньках узкой крутой лестницы, которая вела на балкон. Там репетировал перед началом богослужения церковный хор, и туда ушли мама и папа девочки. А она, худенькая и нарядная, с копной русых волос, пристроилась на этих ступеньках и взгляд ее был устремлен в одну точку. Совсем маленький человек, а уже такой грустный и одинокий.

Варвара подошла и что-то зашептала ей на ушко. Кажется, она уговаривала девочку пойти и нарисовать ей, тете Варе, какую-нибудь картинку. Таня не реагировала.

«Ты же так хорошо рисуешь, мне так нравятся твои рисунки», - говорила ей Варвара, почти сама веря своим словам. Она пока не видела ни одного. «Ну что ж ты сидишь, иди к столику, нарисуй мне, пожалуйста, что-нибудь».

Танюшка продолжала молча сидеть, и Варвара вдруг подумала, что девочке не хочется отвечать, слушать какую-то незнакомую тетю, а может быть она и не понимает, что это от нее хотят. Варвара отошла и уже стала забывать о своей неудавшейся миссии, как боковым зрением увидела, что Танюшка встала с лестницы и отправилась к своему столику. Возможно, девочка и сама уже созрела для этого желания – порисовать.

Как всегда процесс был долгим и кропотливым. Танюшка без конца бегала за дверь, где стояло мусорное ведро, и выкидывала туда исчерканные листы бумаги, чем-то видно не удовлетворившие ее. Прошло еще время. Вдруг она решительно и целенаправленно подошла к Варваре и протянула той сложенный вчетверо листок.

Варвара присела на корточки, развернула бумажку и ахнула. Для четырех лет это было очень даже неплохо. Маленькая принцесса с короной, с букетиком цветов в руках и тщательно нарисованными украшениями на длинной шее и на длинном платье. «Какая же ты молодец!» – искренне похвалила девочку Варвара и от полноты чувств вытащила из кармана жестяную коробочку с синей крышкой, где всегда носила орешки и другие угощения для лесных белочек и некоторых обитателей Живого Уголка.

Танюшка радостно вспыхнула, схватила орешек и вновь ушла к своему столику, так и не сказав ни одного слова.

Каждую неделю повторялось то же самое. Танюшка рисовала, приносила свой рисунок тете Варе, ждала появление синей коробочки и радостно убегала. Однажды ее подхватил на руки отец, который первый спустился с балкона после репетиции хора. Он заметил оживление девочки и что-то спросил ее. Танюшка посмотрела на него, напрягла лобик и защебетала в ответ. Варваре запомнилось почему-то изумленное выражение на лице Танюшкиного отца.

Потом, уже спустя немало времени, Варвара стала общаться с семьей девочки, познакомилась с ее братиком Тимо и старшей сестрой Кристиной. И папа девочки как-то поделился с Варварой, что у дочки одно ушко плохо слышит. Из-за этого она не может играть с другими детьми, и очень долго не начинала говорить. Впервые он услышал, что Танюшка заговорила как-то после репетиции хора, когда он подхватил ее на руки, очень радостную и оживленную. Варвара улыбнулась, но ни в чем не призналась.

А дружба с Танюшкой продолжалась, количество рисунков в

письменном столе тети Вари все росло, синяя коробочка превращалась постепенно в действующее лицо почти всех встреч. «Исе», - любила повторять Танюшка, принося свой очередной художественный экспромт. И начинала рассказывать тете Варе быстро-быстро, что с ней случилось за день, где она была, что делала и какой у нее смелый брат. Скоро Тимка тоже стал подходить, и детская команда стала набирать все больше и больше участников...

От задумчивости Варвару отвлек собачий лай. Встретились видимо старые знакомые, а в этом парке, где Варвара регулярно кормила белок и уток, (да-да, в кронах густозеленых деревьев всегда жили белки, а в маленьком пруду – утки), часто встречались давние знакомые и друзья, а с ними их верные питомцы. А как еще этим питомцам, в данном случае – собакам, выражать радость встречи, как ни оглушительным лаем!

Собачий лай не только отвлек Варвару от ее воспоминаний, но и вовремя напомнил о ее обязанностях. Она заторопилась в ближайший зоомагазин, – закупить корма для рыбок, хомячков и канареек – а оттуда пора уже было мчаться в Наркоцентр. Почему-то никогда не получалось у Варвары идти, ехать или двигаться неспеша, а обязательно надо было лететь, мчаться или бежать, даже если она никуда не опаздывала. Такой уж у нее был стремительный характер.

В Живом уголке намечалась очередная встреча, и Варвара подумала: «Интересно, кто кого больше ждет? Зверушки – пациентов Центра или пациенты – зверушек?...При встрече они радуются одинаково бурно, и как результат – польза для обеих сторон!»

Варвара вспомнила и о своем неизменном и незаменимом ассистенте Максимке. «Наверное, он уже там, расставляет стулья и подбирает фильмы, – подумала Варвара. – Уроки у него закончились, а домашнюю работу он обычно выполняет по вечерам. Кстати, сегодня он опять собирался принести какие-то особо сложные задачки по математике, так что решать придется общими усилиями. А здесь, пожалуй, и есть школа взаимопомощи. Везде паренек старается успеть, нигде не отстать, ничего не пропустить! Друзей только у него маловато, особенно среди ровесников. Все ко взрослым стремится. Что за характер!»

Глава восьмая: Макс и Кристина разрабатывают план

Не была бы Кристина настоящей девочкой, если бы не заинтересовалась предложением Макса, своего одноклассника, узнать страшную тайну, которую скрывает маленькая детская компания – в ней еще младшие

Кристинины брат с сестрой – во главе с этой странной тетей Варей. Ни то что бы Кристине не нравилась сама тетя Варя, но ей казалось несерьезным, что та так возится с малышами. Будто у нее нет других дел поважнее!

Сама Кристина была девочкой очень серьезной, даже строгой. А как же иначе? Ей приходилось помогать маме и смотреть за младшими, так как в семье недавно появилась новая кроха по имени Элина, и вся мамина забота была направлена на нее.

Тимка же и Танюшка обожали шумные игры, и им совсем не хотелось подчиняться указаниям старшей сестры. Вот и приходилось бедной Кристине и голос повышать, и даже иногда ссориться особенно с неугомонным Тимкой.

Максим тоже очень часто казался Кристине довольно легкомысленным существом. Как он быстро меняет свои увлечения, кидается то к одному, то к другому! Сначала никто не мог его оторвать от компьютерных игр. Только заканчивались уроки, он летел в зал игровых автоматов неподалеку от их школы и часто звал Кристину с собой. Она разок сходила, посмотрела на бессмысленное мелькание фигурок и стрелялок на экране, фыркнула и больше не захотела. Потом Макс увлекся скейт-бордом и катался на этой доске с утра до ночи. «А во сне ты продолжаешь съезжать на своем скейте со всяких тротуаров?» – смеялась над своим приятелем Кристина. Но это его увлечение ей больше нравилось. Макс был очень ловким и симпатичным, и катание на скейте ему очень шло.

Кристина даже сама пару раз не отказала себе в удовольствии прокатиться на этой доске. Разумеется при поддержке Макса.

В их с Максом пятом классе она была самой красивой девочкой и пользовалась у мальчишек неизменном успехом. Правда, все остальные мальчишки были финнами и, хотя Кристина уже неплохо владела финским языком, все же общалась больше с Максом, чувствуя в нем родственную душу. Даже прощала ему его легкомысленность и непостоянство.

Теперь Макс по-настоящему заинтересовал ее своим необычным планом по поводу открытия страшной тайны, и Кристина даже согласилась пойти с ним на рыбалку (очередное увлечение Макса) и побыть немного его ассистенткой при разматывании спиннинга и удочки. Удочку Макс прихватил специально для своей подружки, чтоб ей не скучно было сидеть с ним на берегу и совместно обсуждать задуманное предприятие.

– Ты что-нибудь узнала от своих? – спросил Макс Кристину, когда они уселись поудобнее на высокий парапет, предварительно закинув лески далеко в воду.

– Посмотрел бы ты на них! – Кристина быстрым движением перехва-

тила резиночкой черные блестящие волосы, чтобы не мешали, и откинула хвостик на спину. – Настоящие заговорщики, ни в чем не признаются! Знаю только, что завтра, в воскресенье, собираются на какую-то прогулку в лес.

– Мы должны пойти за ними и все разузнать, - уточнил Макс.

– А ты у своей тети Вари не можешь спросить, какие-такие у них дела? – в свою очередь поинтересовалась девочка.

– Во-первых, она не моя, - отрубил Макс, – а во-вторых, я же говорил тебе, что в их команде никого нет старше восьми лет. И тетя Варя все равно ничего не скажет. Уговор у них такой, понимаешь?

– Понимаю-понимаю, – отозвалась Кристина, пристально вглядываясь в поплавок. – Ну, и что же ты тогда предлагаешь, Макс, не тани, пожалуйста?

– Мы с тобой должны тоже организовать свою команду и вместе выйти «на дело» в тот же день, что и они. – Максим оживился, представив себе как все будет, и заговорил быстрее. – Что самое главное?

– Что? – переспросила Кристина, не понимая, куда он клонит.

– Самое главное – остататься незамеченными. Идти по следу, но прятаться за деревьями, и все делать бесшумно. Они остановились, и мы остановились...

– Зачем? – снова не выдержала Кристи.

– Чтоб не шуршать ногами, не понятно что ли! Нужно идти, когда они идут, и стоять тихо, когда у них привал или пауза какая-нибудь. А то вообще ничего не узнаем, и сами влипним, если себя обнаружим.

– А вдруг мы заблудимся? Все-таки там лес, а не какая-то открытая дорога, – Кристина всегда была очень осторожной и предусмотрительной девочкой.

– А у тебя ножик есть? – вопросом на вопрос ответил Макс и без паузы продолжил, – вот и будем зарубки на деревьях делать, чтобы по ним потом выйти и не заблудиться. Понятно? – Ему очень захотелось дернуть Кристи за хвостик, но он сдержался.

– Как же ты любишь чужие тайны, Макс, – Кристина внимательно посмотрела на своего друга, – что, интересно, ты собрался узнать и выведать?

Макс нахмурился, помолчал немного и вдруг разразился тирадой:

– Подумаешь, группа подпольщиков, тайное сообщество! Смеются, шепчутся, будто одни на свете... А ты разве ничего не хочешь узнать? Ведь твоя малышня так ничего тебе и не сказала! И весь твой авторитет – пших!

В этот момент дернулся поплавок на Кристиной удочке, и Макс

быстро ухватил ее обеими руками и вытянул рыбку.

– Эх ты, соня, – дружелюбно выговорил он зазевавшейся девочке и показал на рыбку, – ну, чья добыча?

– Моя, – вырвалось у Кристины, – нет, твоя, – тут же поправилась она. – Ладно, убедил. Когда завтра встречаемся?

(Продолжение следует)

Алексей Шкваров

Родился в 1960 году в Ленинграде. С 2008 года живёт в Финляндии. Член Союза писателей РФ, Союза журналистов СПб, кандидат исторических наук. Автор ряда исторических романов, опубликованных на русском и финском языках, повестей, рассказов, десятков статей в научных и популярных изданиях.

Остров.

Полметра рваного камня, сверху плиты и выползающие время от времени ящерицы – местные пограничники, так он окрестил их про себя. Как правильно назвать эту огражденную площадку, что примыкала к номеру, являясь его неотъемлемой частью? Терраса? В его представлении это нечто из дерева. Скорее все-таки, патио – маленький, кстати, отнюдь не маленький, и не внутренний, а внешний дворик. Двор.

К ограждению приступала вплотную средиземноморская зелень. Нет, не заросли чего-то непроходимого, напротив, одинокие, стоящие на удалении друг от друга низкорослые сосны, их он определил по характерным длинным иголкам, зеленым на деревьях и темным на песке и камнях. Кстати, травы не было вовсе. Кроме хвойных деревьев росли еще какие-то неизвестные ему кустарники, усыпанные цветами. Рельеф уходил вниз, возможно, даже обрывался на склоне, потому что дальше начиналось сияние моря. Солнце искрилось рябью волн, отражалось от них, заставляло прищуриться. Море манило и завораживало своим цветом. Голубые карбункулы в перламутре. Тишина обволакивала негой, от которой замирал воздух, пропитанный насквозь солнечным светом и теплом, словно протопленная печка.

Море действительно не издавало ни звука, а лишь подмигивало и переливалось уходящей до горизонта россыпью драгоценностей. Что могло заглушить шелест волн? Обрыв, зелень, ограждение в полметра или стена

прозрачного неподвижного тепла, изолировавшая нас от всего мира и тут же вобравшая всю вселенную в себя? Не ведомо! Запомнилась лишь тишина. Летняя тишина. Не та хрустальная, с застывшим в снегу колокольным звоном, к которой он привык в северном лесу, а совсем другая, тягучая, наполненная ароматом неведомых цветов с привкусом терпкой смолянистой влаги деревьев, впитавшая дыханье раскаленных камней, и упрямо вторгавшимся морем с его запахом соли и йода. «И насадил Господь Бог рай в Едеме... и поместил там человека, которого создал...»

Душа замирала, как воздух, блестела, как море, светилась, как солнце. Она больше не была черной дырой, пристанищем боли и страданий.

Он усмехнулся, вспомнив, как они добирались туда. Вы суеверны? Если нет, то стали бы. Весь путь был похож на полосу препятствий, каждый этап которой настойчиво предлагал повернуть назад. Нужна была гостиница, чтобы переночевать перед вылетом – ее не было. Словно весь мир ринулся в эти последние дни августа в Хельсинки. Оставалось ехать в ночь, но накануне интернет выдал единственный номер, который удалось забронировать. Парковки возле отеля были запрещены. Оказалось, что в городе саммит ЕС, и полиция прогоняла машину прочь – ищите, где хотите. Естественно все близлежащие улицы были забиты автомобилями намертво, не втиснуться. Они делали круг за кругом, пока он не наплевал на штрафы и не поставил машину под знаком. Будь, что будет. Утром квитанции не было, хотя все остальные автомобили удостоились листка «счастья». В аэропорт приехали вовремя, но на регистрацию не успели из-за огромной очереди. Неприятно. В душе появились первые сомнения. Он вспомнил сразу все авиакатастрофы, которых избежали лишь те, кто по каким-то причинам опоздал, передумал лететь или... поменял рейс.

– Я боюсь! – Прошептала она.

– Не бойся! – Он сжал ее тонкие пальцы. – Я с тобой!

Рейс поменяли, но задача усложнилась. В Милане, где предстояла пересадка, имеется два аэропорта. Если бы они улетели утром – проблем никаких. Куда прилетели, оттуда же отправились бы дальше. Теперь предстояло преодолеть 70 км и добраться до другого аэропорта. Время между рейсами один час сорок минут. Шофер-итальянец на секунду задумался, потом широко улыбнулся и сказал:

– Двести евро, синьор!

Дорогу описывать нет смысла. Они были участниками съемок фильма «Такси». Отчаянно сигналив и выдавливая всех из крайнего левого ряда автострады, водитель успевал разговаривать по телефону и даже читать сообщения. Мелькнула мысль:

– Отвечать он не собирается? - Посмотрел на ее побледневшее лицо. -

Если начнет отвечать - я описаюсь.

Он снова крепко сжал ее пальцы:

– Не бойся! Я с тобой.

Больше никаких мыслей не было. Они замерли, вдавленные в сиденья огромной скоростью. Рейс задерживался, но пицца была великолепна...

Сажа итальянской ночи накрыла все вокруг - летное поле и аэроплан, напоминавший пассажирский Дуглас из кинохроники времен второй мировой войны. Запомнились белозубые шутки пилотов, не утруждавших себя даже закрыть дверь в кабину, и благополучное приземление.

Оставался серпантин горной ночной дороги и бумажные пакеты, во множестве торчавшие из карманов сидений в такси. Он попросил остановиться, когда почувствовал в темноте ее бледность и то, что сейчас ей необходим свежий воздух и именно такой пакет.

– Не бойся! Я с тобой!

А утром они проснулись в огромном номере, вышли в свой дворик, окунулись в тягучую тишину, и он понял, что счастлив. Нет, наверно, он понял это все-таки на второй день. Первый стал днем настройки этого удивительного инструмента – счастья, опробованием его первых аккордов – завтрак, пляж, обед, сон, работа, ужин, фильм – он набрал много дисков, и снова сон в этом удивительном мире тишины. Что было еще? Ах, да, забыл главное – была любовь, тягучая и терпкая, как воздух, молчаливая, как море, согревающая, как солнце...

Слова были не нужны, они растворялись в тишине, переносились взглядом, прикосновением, улыбкой, простым ощущением близости любимого человека или полным растворением в нем.

Он сидел и работал, она, расположившись неподалеку, погружалась в книгу. Время от времени он отрывался от компьютера, смотрел на нее, она чувствовала его взгляд, поднимала глаза и молча улыбалась в ответ.

Они ложились в постель, он входил в нее и замирал, наслаждаясь тем, что плоть их стала единой, ее ресницы начинали трепетать, приоткрывались, она украдкой бросала удивленный взгляд, потом широко раскрывала глаза и улыбалась. Мгновение спустя ресницы умиротворенно смыкались, но улыбка Джоконды уже не сходила с лица.

Все когда-то кончается... Но остров остался навсегда мерилем счастья и любви.

Совесть.

Есть ли она, совесть? Всегда ли она права? Сомнения, сомнения... с самого детства, когда мы начинаем поиск собственных нравственных ориентиров. Мы слышали о них, и это было Слово, но в восторженной лихости юных лет, черта между Словом и делом зыбка и не очень-то и заметна. Придут сомнения... А если нет?

Даже если не возникнут сомнения, что что-то не так делаешь, а со временем их становится еще меньше, они покрываются густой плесенью надежды – ведь кто-то поступает еще хуже, ведь в прошлый раз сошло с рук и ничего, и, в конце-то концов, есть же отпущение грехов, разорвать эту паутину поможет твоя совесть. Она подаст голос и не примет никаких объяснений, оправданий, заискиваний. Совесть заставит сказать правду самому себе, раскаяться, если совершил дурной, дурные поступки и принять единственно верное решение, чтобы искупить этот грех. Но при этом надо ответить еще на один вопрос: «Тем ли идеалам ты служишь?». Ведь есть и другая совесть, другая правда, которая все искажает, переворачивает с ног на голову, превращая Добро во Зло, белое в черное, искренность в лицемерие, возмездие в месть. Правда у каждого своя, но истина едина, ибо она складывается из цепи поступков или слов, превратившихся в действие. И здесь в силу вступает закон равновесия Добра и Зла, что есть высшая справедливость. В тебе должно победить Добро, потому, что в ком-то побеждает Зло. Добрых людей больше, чем плохих, злых, но Зло всегда тяжелее. И то, и другое живут в душах человеческих. Добро невесомо, как воздух, как солнечный луч, а Зло – камень грехов, чем их больше, тем он тяжелее. Один мерзавец против сотни, тысячи хороших людей. Почему? Потому что Зло тяжелее. Но тысяча хороших людей не может противостоять одному - у него есть меч, а у них его нет. Тогда должен выйти тот, кто сильнее мерзавца и победить его, как Давид Голиафа. Добро легче зла, но сильнее, потому что несет в себе свет истины, раскрывающей мрак, в котором таится Зло. Но нужно не только самому прислушиваться к голосу совести, но помогать найти утраченное чувство веры в справедливость другим людям, исправлять и спасать их представление о ней, заставить испытать страх и раскаяние за содеянное, чтобы всегда количество добрых людей превышало тех, кто продал свою душу Злу - сатане. Если все будет наоборот, значит, впереди нас ждет Апокалипсис.

Сказано: «Нет ничего быстрее мысли человеческой...» Есть! Подумать еще не успеешь, как совесть подаст первый сигнал опасности быстрее скорости света, ибо это не вспыхнувшая лампочка - рефлекс для собаки Пав-

лова, а всего лишь биение собственного сердца, ускорившего или, наоборот, замедлившего ход часов жизни. Мысль вторична, ибо сигнал подает душа, а не разум.

Можно ли собственной шкалой нравственных ценностей определить подлость другого человека? В чем главный смысл подлости? В том, что тот, кто обладает ей в полной мере, живет, выживает, растет за счет другого.

Можно! А как иначе? Твои мысли и поступки зависят только от твоих нравственных ценностей. Они, внешне подверженные разуму, на самом деле, не связаны с ним, даже если ты внушил их себе и теперь ожидаешь нечто приятное. Можно обмануть других, можно промолчать, скрыть свои непристойные мысли от них, но обмануть свою совесть невозможно! Останься один на один с ней. В лесу, в поле, в суতোлке улиц, в храме перед иконой... где угодно, лишь бы отрешиться от мира, и ты услышишь ее. Упреки молчаливы, но неотступны. Говорить будешь ты сам – она заставит. Нет, не правду, ибо в своей правде ты попытаешься витиевато объяснить, а истину, которая призвет сама к раскаянию, если совершил или удумал что-то плохое и подскажет то решение, которое поможет воздержаться или искупить грех. И сразу полегчает. Уходи почаще говорить со своей совестью. Но не мучайся, не превращай в болезнь или страсть, не представляй себе совесть израненной рукой, которую нужно лелеять, холить, бережно поддерживать и оберегать. Осуждая себя, лишь сожалей о недостаточности еще свершенных добрых дел, убеждай в твердости своего намерения сделать больше, тогда обрешь решимость, разгонишь сомнения, уныние, тоску. Осознай и переживи заново собственные моральные обязательства, отчитайся в своих поступках, прими на себя вину, если это необходимо, но выполняй свой долг дальше – держись своих нравственных ориентиров. Хотя бы перед самим собой! И ты поймешь, что она есть. Совесть!

Соломон Кагна

Сердцеядка. Стихотворение

Trahit sua quemque voluptas *

Vergilius

Ручьем серебряным речь льется,
Два синих солнца жгут насквозь!
Тобой нельзя не восхищаться,
Ты вся – желанье и любовь!

Числу побед над сильным полом
Давно ты потеряла счет.
Не можешь ты остановиться –
Все новое тебя влечет.

Роман, сменяясь за романом,
Тебе не может счастья дать.
Ты взглядом много обещаешь,
Но не о ком тебе мечтать.

* Всякого влечет своя страсть (лат.)
Вергилий

Публицистика

Вячеслав Демидов

Кандидат философских наук.

Автор о себе

В литературном процессе с 1963 года: автор-журналист, потом сотрудник редакции журнала "Знание-сила", потом автор примерно десятка научно-художественных и научно-популярных, и десятка просто научно-технических книг и брошюр, потом заведомом журнала "Советский экспорт", потом эмигрант, журналист для русскоязычных изданий Берлина, одновременно владелец собственного берлинского микроиздательства NG Verlag (за двадцать лет работы оно выпустило свыше 150 книг примерно 100 авторов, чем и сейчас продолжаю заниматься), публикую в прессе и в Интернете на разных сайтах свои опусы, которых в Германии я натворил почти два десятка, снимался в игровом кино отнюдь не в массовке, сейчас пятый год веду литературную студию в обществе "Диалог" .

Смерть и тайны «Челюскина»

Лагшмивара и Оюшминальда? Жительницы стран где-нибудь в теплом океане? Если вы так подумали, то ошиблись. Аббревиатуры это. Имена несчастных детишек, данные обалделыми от газетной шумихи родителями: Лагерь Шмидта в Арктике и О. Ю. Шмидт на льдине... На той самой, где в палаточном лагере сидели люди с раздавленного льдами парохода «Челюскин».

Так в 2002 году начиналась в «Берлинской газете» статья «Куда плыл «Челюскин?»»¹

¹ Редакция ее переименовала в «Зачем пожертвовали «Челюскиным?»» и по своему недосмотру поставила автором журналиста Дмитрия Хмельницкого, – нелепая ошибка...

Сегодня новая информация заставляет по-иному описывать и тогдашние дела, и тогдашних людей...

Северный морской путь для Гитлера

Сталина в СССР шепотом звали «Хозяин». Он и был хозяин, но эков своей страны не хватало, замахнулся на весь мир — велел приступить ко второй мировой: «...в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны»¹. Это он сказал на совершенно секретном совещании 19 августа 1939 года. И началась подготовка.

А так как войну по сталинскому плану должен был начать фюрер (чтобы потом вождь его разгромил и «освободил» Европу, — опускаю общеизвестные подробности привода его к власти), Гитлера следовало сначала вооружить, потом подтолкнуть.

Вооружали на советских заводах. Боевые отравляющие вещества — ОВ — выпускали в Царицыне (далее Сталинграде), боеприпасы — на Тульском патронном, Казанском пороховом, Богородском взрывном и многих других, где военную приемку вели полковник артиллерии рейхсвера Арнольд и не обозначенные по своим званиям господа Вернер, Митман, Крюгер, Старк, Генрих, Билецкий, Кдиппе, Гейдельбергер. Военные кадры гитлеровской армии готовили советские преподаватели в училищах и военных школах Казани (танкисты), Липецка (летчики), Вольска (специалисты по боевым отравляющим газам). Новые типы вооружений, боевых машин, прицелов, бомб и снарядов испытывали коммунисты и фашисты вместе на близлежащих полигонах, вместе же писали отчёты «наверх». Обо всём этом и многом другом сообщает в своем труде «Совершенно секретно: альянс Москва-Берлин» Сергей Алексеевич Горлов.²

Потом настал черед подталкивания. Пактом того же 1939 года «Риббентроп-Молотов» пополам разрешили Польшу, в итоге Великобританию втянули в войну с Германией. Пушки в Западной Европе и в Атлантике гремели вовсю.

Крайне недоумевали в том году английские военные и журналисты, каким чудом проскользнул мимо английских патрулей в Атлантике немецкий крейсер «Комет»: вынырнул вдруг в Тихом и Индийском океанах и

¹ Цит. по: Суворов Виктор. «Последняя республика», М., ТКО АСТ, 1996, с. 104.

² Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва-Берлин, 1920-1933 гг. — М. ОЛМА-ПРЕСС, 2001

потопил «много английских судов», — с ясно читаемым между строк злорадством отметила сталинская газета «Правда».

Откуда джентльменам было знать, что крейсер, гитлеровцами примитивно замаскированный под торговое судно, беспрепятственно прошел в 1940 году по советским территориальным водам — по Северному морскому пути... А на подходе к Берингову проливу, чтобы не потерять сноровки, команда в открытую устраивала учения на 150-миллиметровых орудиях главного калибра и мелких зенитных установках, — только что огонь не вели...

Вели не поднимавший никакого национального флага гитлеровский «торговый крейсер» советские ледоколы «Ленин», «Сталин» и «Каганович», — просто нарочно не придумашь. Операция выполнялась по ряду Наркомата внешней торговли (!), технические вопросы решало Главное управление Северного морского пути, и всё это, ясное дело, под недреманным оком Главного транспортного управления НКВД СССР¹, — а как иначе?

Командир «мирного крейсера» Роберт Эйссен, здороваясь с советскими, называл себя «фрегатен-капитан Кептель»². Все для той же липовой маскировки, потому что в НКВД давно уже от агентов знали: в трюмах там штабеля артиллерийских снарядов и торпед, ждет там своего часа разборный самолет-разведчик, а на мощной радиостанции круглосуточно дежурят шесть человек, держат напрямую связь с Берлином и докладывают о глубинах, ледовой обстановке и береговых навигационных приметах.

В Беринговом проливе Эйссен послал прощальную радиограмму капитану «Кагановича»: "Выражаю благодарность за удачное шефство над нашим походом через Арктику и за проводку через льды моря Лаптевых. Желаю арктической работе благополучного развития в дальнейшем и Вам личного здоровья и успеха. Капитан. 27.08.1940 года".³

Вот ради этой иронии, если угодно, и был раздавлен льдами «Челюскин».

Которого останки в океанских полярных глубинах хотят зачем-то отыскать нынешние энтузиасты, — что, впрочем, безобидно, хотя и дороговато, — но в духе изречения сэра Эдмунда Хиллари, первовосходителя на Эверест, который на вопрос, почему он так рвался на вершину, улыбнулся: «Потому что она существует».

¹ Черепков Александр. «Простота хуже предательства» — Независимое военное обозрение, 31.03.2000 — в Интернете этот материал помещен под рубрикой «Интервью и авторские публикации сотрудников ФСБ России».

² Там же.

³ Эйссен, Роберт. «Немецкий рейдер осваивает Севморпуть» — Независимое военное обозрение, 31.03.2000

Три парохода

На стапеле датской фирмы «Бурмайстер и Вайн» пароход звался «Лена».

Это была вторая «Лена», рожденная в Скандинавии...

А первую спустили на воду в шведском городе Мотале в 1875 году¹. Строили по заказу иркутского золотопромышленника Александра Михайловича Сибирякова — одного из основателей Томского университета (подарил ему 4674² тома из библиотеки Василия Андреевича Жуковского!), исследователя и пропагандиста богатств Сибирского Севера, писателя и большого друга знаменитого на весь мир шведского полярника Нильса Норденшельда. Да не только друга — надежного спонсора³: и денег дал Нильсу на арктическую экспедицию, и норденшельдовскую «Вегу» своей провел «Леной» по Ледовитому океану до Лены-реки.. Нильс поплыл дальше, на восток, и таки-доплыл — правда, с зимовкой в Колючинской губе, — до Тихого океана. Попавшийся по дороге «остров Кузькина» переименовал в честь друга-спонсора в «остров Сибирякова».

В СССР невозвращенец Сибиряков (оказался в Швеции в начале Первой мировой войны и после ее окончания не сунул голову в большевистское пекло) был сознательно забыт как человек. Утверждали — даже в советских энциклопедиях! — что умер в Иркутске аж в 1893 году⁴.

А он, истинный полярник (совершил несколько арктических экспедиций) и почетный профессор Томского университета (удостоенный звания в царское время) был не только жив, — привечаем научными и литературными кругами университетского города Гетеборга, состоял почетным членом Шведского общества антропологии и географии⁵. От шведского ригс-

¹ Andreas von Mach, сайт Invision Power Services (<http://www.invisionpower.com>)
Русская версия: Круизы и Судоходство - Форум _ Речное судоходство и речные круизы _ Lena Steamers.

² Голубчиков С.Н. «Взойдет ли вновь звезда Сибирякова?» Энергия, 1999, №7: «В Государственной исторической библиотеке нашлась лишь одна прижизненная публикация об А. М. Сибирякове. Иллюстрированный журнал "Нива" в № 51 за 1878 г. опубликовал небольшую заметку об экспедиции Н.Э. Норденшельда и ее спонсоре «А. М. Сибиряков и его пароход "Лена"». Здесь же помещены единственный известный нам портрет А. М. Сибирякова и рисунок с фотографии парохода "Лена". В статье рассказывается о плане А. М. Сибирякова исследовать Севморпуть с целью оживления сибирской торговли».

³ Там же.

⁴ БСЭ, 3-е издание, т. 23, М., 1976.

⁵ Голубчиков С.Н., кандидат географических наук. «Взойдет ли вновь звезда Сибирякова?». Энергия, 1999, № 7.

дага получил пенсию — награду за поддержку Норденшельда, и дни свои закончил не в России, не в Швеции, а во Франции, в курортном городе богачей Ницце. Закончил одиноким бедняком, на похороны которого пришел только шведский консул.

Был фантастически скромнен: нигде и никому не рассказывал, что по арктическим морям взламывает ледяные поля его, Сибирякова, имени ледокол. Не знаю, у кого хватило бы скромности на такое пожизненное умолчание... После схода со английского стапеля судно называлось, правда, «Беллавенчур» и несло британский флаг. Но в 1914 году российское правительство его купило и переименовало. Громадного, должно быть, веса оказались люди, решившие именно так прославить совсем исчезнувшего с горизонта человека, именем которого уже была названа дорога между Обью и Печорой: «Сибиряковский тракт»¹.

А доставленная Сибиряковым на Лену «Лена» продолжала свою арктическую службу там, где ей велел Александр Михайлович.

За год до его кончины в Ницце оба судна — «Лена» и «Сибиряков» — встретились в бухте Диксон. Ледокол двигался на восток, чтобы совершить тот поход, о котором эмигрант-россиянин мечтал в молодости: за одну навигацию пройти вдоль всего северного побережья страны! «Лена» же доставила из Якутска в бухту Тикси уголь для "Сибирякова".

Научный руководитель этой экспедиции профессор Владимир Юльевич Визе сказал: "Меня не оставляет странное полумистическое ощущение, что в этом плавании за нами тенью следуют Норденшельд и Сибиряков! Наше плавание проходит в 100-летнюю годовщину со дня рождения Норденшельда и [мы встречаем] теперь "Лену" в точке, где 54 года назад она рассталась с "Вегой"»².

Судьбе было угодно, чтобы именно в этих местах «Сибиряков», вооруженный лишь крошечной пушчонкой, вступил в августе 1942 года в смертный бой с гитлеровским крейсером «Адмирал Шеер»...

Помолчим...

И перейдем к «Лене» датской, будущему «Челюскину».

Дитя случая

Её строили по советскому заказу (встретилось в какой-то современной нам статье: «по советскому проекту», — но это явное недоразумение) для Владивостокского порта. Оттуда по Охотскому морю на Магадан судно

¹ Там же.

² Там же.

должно было доставлять грузы и «рабсилу», словечко в советские времена весьма ходовое (но не для обозначения заключенных, именовавшихся ЗК — заключенный конвоируемый).

Эти три слова — Владивосток, Охотское море, Магадан — и определили условия работы и технические характеристики судна, заказанного датчанам советской государственной организацией «Совторгфлот» для «Колымской линии»¹. Увы, люди, составлявшие заказ-спецификацию, судя по всему, не понимали, что этот технический документ требует точности и еще раз точности. Вот они и написали: «Судовой корпус имеет форму, аналогичную форме ледокола»². «Аналогичную»? Слово столь расплывчато, что любой волен толковать его смысл, как хочет. Точнее, как ему выгодно. Это и произошло, как увидим. Но покамест отметим, что в спецификации было также написано «Судно должно быть построено под наблюдением Британского Ллойда на класс Ллойда +100 А. 1., т.е. наивысший класс...»³.

Их всех этих слов профессор М. И. Белов (в свое время рабочий «морского завода» в Кронштадте, затем, после возвращения с войны и учебы в университете, видный историк освоения Северного морского пути и сотрудник кафедры истории КПСС Новгородского государственного педагогического института) вместе с Д. М. Пинхенсоном сделали вывод: «знаменитая датская фирма должна была создать ледокольный пароход».

Несколькими строками ниже увидим, по какой причине в разгар «холодной войны» два советских автора вдруг сделали заграничным кораблестроителям реверанс.

Покамест отмечу, что слова «ледокол», «ледорез», «ледокольный пароход» и просто «пароход» разными авторами трактуются по-разному, что приводит не только к ошибкам, но и к обвинениям сродни уголовным. Со всем этим нам еще предстоит разбираться, а потому заглянем в энциклопедию.

В авторитетнейшем словаре Брокгауза и Ефрона читаем о ледоколах: «Одни <...> ломают лед ударом, а другие разбивают лед своей тяжестью, напирая на него сверху»⁴. Советская Энциклопедия уточняет: «В подводной части носовой оконечности делается наклон 20-35°. <...> Корпус Л.

¹ Белов М.И., Пинхенсон Д.М., История открытия и освоения Северного морского пути. —М.—Л., 1956–1965. В 4-х тт. Т. 4, с. 111. В этом томе фамилия Белова почему-то не вынесена на обложку, а находится только на контртитule.

² Там же, с. 110.

³ Там же, с. 111.

⁴ Ледокольные работы. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XVII, СПб. 1896, с. 468.

имеет яйцеобразную или трапецевидную форму»¹ — очень важные подробности! О ледорезе написано: «морское судно, предназначенное главным образом для плавания в битом льду»², однако с годами термин перестал применяться вследствие возникавшей путаницы. Остался ледокольный пароход — «паровое судно, приспособленное для самостоятельного плавания в легких льдах»³, правда, что такое «легкие», энциклопедия не сообщает, но не будем придираться...

Но вернемся к фразе, походя брошенной Беловым и Пинхенсоном. Слово «знаменитая» в их прозе не есть реверанс, а самая что ни на есть ядовитая ирония. Потому что парой строк ниже они выдвигают обвинение, прямо-таки уголовное: «Неизвестно, нарушила ли сама фирма первоначальные условия заказа или они были пересмотрены самим Совторгфлотом, <...> но получилось так, что пароход <...> получился обыкновенным грузовым, довольно неповоротливым, непригодным для самостоятельного арктического плавания»⁴. Ах, какой пассаж!..

Наивно возмущение авторов. Они превосходно были осведомлены (особенно Белов, соприкасавшийся с кораблями), что ни один уважающий себя судостроитель даже во сне не помыслит о самодеятельном изменении конструкции корабля. Тем более не помыслит наяву основанная в 1843 году всемирно знаменитая фирма «Бурмайстер и Вайн». Нет, не «получилась» такой пароход, а в точности отвечал заданию советского заказчика. Который, кстати, держал на строительстве вытребованного с Дальнего Востока контролера — капитана Петра Леонардовича Безайса⁵: тебе плавать, ты и надзирай. Он и видел спокойно, что получается «Лена» именно такая, какой быть должна: предназначенная для Охотского моря, а вовсе не для Чукотского, на дне которого переименованная в «Челюскин» «Лена» и покоится (кстати, «иностранная» фамилия Безайс имеет, скорее всего, какую-то связь с существовавшим до 1905 года сахалинским поселком такого имени.).

За невиновность фирмы говорит то, что надзирающий капитан Безайс был не только не репрессирован за недостатки конструкции (их простым глазом усмотрел полярный капитан Воронин: «набор корпуса был слаб, шпангоуты редкие, и прочность их не соответствовала для ледокольного судна, да еще предназначенного для работы в Арктике»⁶), а наоборот, поощрен. Безайса перевели с Дальнего Востока на Черное море, там он капи-

¹ БСЭ, изд. II, т. 24, с. 437.

² Там же, с. 440.

³ Там же.

⁴ Белов М.И., Пинхенсон Д.М., с. 111.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

танствовал на пароходе «Ногин», участвовал в Керченско-Феодосийском десанте и спокойно отошел в мир иной в 1953 году.

Однако должен кто-то быть виноват (для объяснения «народу»), что такое судно двинули в Арктику? А как же: обманщики-капиталисты!.. Читая по диагонали труд Белова и Пинхенсона, иные авторы превратили их осторожные сослагательные наклонения в инвективы: «датчане построили обычный грузовой пароход, который был абсолютно непригодным для плавания во льдах без помощи ледокола»¹, один из журналистов назвал пароход «Челюскин» «теплоходом (!!!)»². В качестве свидетельства несерьезного отношения фирмы упоминается «Акт приемки парохода», составленный на его борту с 66 замечаниями по корпусу и такелажу и 70 — по машине³. Кого-то эти цифры могут привести в ужас, но любой работник отдела технического контроля знает: сложную машину, особенно изготовленную в единственном экземпляре, непременно придется «доводить до ума». В общем, «чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться...»

Пароход «Лена» сошел со стапеля 11 марта 1933 года⁴. Потом на плаву, «у стенки» шла достройка (нормальная судостроительная операция). А 6 мая состоялось первое испытательное плавание⁵. Эти даты российскому эмигранту Лазарю Фрейдгейму, живущему в США, сообщил по его запросу Кристиан Хвайд Мортенсен⁶, сотрудник Музея фирмы «Бурмайстер и Вайн». Он отыскал эти даты на фотографиях этих важных событий. Кроме того, установил, что Британский Ллойд сертифицировал судно 20-го апреля того же года⁷.

Так оказались дезавуированы не раз появлявшиеся в российских печат-

¹ Чернышевский Глеб, «Тайны и мифы советского периода освоения Арктики». Сайт Интернета «Коркурент. Ru». (Читатель этой статьи должен быть осторожен: без ссылок переписывая из труда Белова и Пинхенсона целые фразы, Чернышевский присочиняет к ним свои измышления.)

² Руднев Арсений. «Гибель «Челюскина»: ученые хотят знать правду». Сайт PDA.YTPO.RU 17 августа 2004 г.

³ Ларьков С.А. «Челюскинская эпопея – историческая мифология и объективность истории (попытка фрагментарного сравнения). Сайт Интернета http://www.cheluskin.com/download/disc_06.doc

⁴ Christian Hviid Mortensen, Historical Department, MAN B&W Diesel, Copenhagen, сообщение по Интернету от 8 февраля 2005 г., c959g1@manbw.dk, Tscheluskin.pdf, Trial trip 06-05-1933.jpg.

⁵ Фрейдгейм Л. «Челюскин» без покрова тайн»..

⁶ Christian Hviid Mortensen, Historical Department, MAN B&W Diesel, Copenhagen, сообщение по Интернету от 8 февраля 2005 г., c959g1@manbw.dk, Tscheluskin.pdf, Launching2 11-03-1933.jpg, Launching 11-03-1933.jpg.

⁷ Акт № 513 Регистра Союза ССР Инспекции Балтийского бассейна (копия) от 9/VII 1933 г.

ных материалах и на Интернетовских сайтах легенды о «недостойном поведении» датчан: отдали, мол, судно Советскому Союзу «просто так», без сдачи-приемки. Нет, ходовые испытания были, как и вторичное освидетельствование тем же Ллойдом 24 мая в Копенгагене. Вот, тогда только (а не прямым со стапеля) пароход отправился в Ленинград.

Было 5 июня¹. Месяц пролетел даром. Датчане ли виноваты, что медленно строили, советские ли приемщики медленно работали, — уже не установить.

Но получается, что смерть «Челюскина» в Ледовитом океане была уже заложена...

Потому что «окно», в течение которого можно более-менее удачно плавать по арктическим морям, весьма и весьма узкое. Тем более — плавать без ледокола. А именно такой безледокольный поход и замыслился начальником экспедиции О. Ю. Шмидтом.

«Лена» еще не пришла в Ленинград, еще не состоялась процедура переименования, а в составленном Главным управлением Северного морского пути (ГУСМП) «Плане плавания» уже стоит Челюскин². И предписано ему ошвартоваться в Ленинград в мае (точная дата на всякий случай отсутствует).

Но появилось судно только в начале июня, опозданием на месяц, — и это когда в Арктике каждый день сверхдорог. Никого, включая и Шмидта, эта задержка не насторожила. То есть, понадеялись на знаменитый русский «авось».

Почему сразу не назвали пароход «Челюскиным»? Да потому, что в момент закладки «Лены» ни о каком на ней походе по Северному морскому пути никто не думал. Идея всплыла неожиданно, как чертик из бутылки. Или, скорее, вынужденно, как свадьба «вдогонку», но об этом чуть позже.

Не исключена и такая, правда, крайне сомнительная версия: в СССР всё было «военной тайной», и порт приписки Владивосток вкупе с названием «Лена» должны были ввести врагов в заблуждение.

А может быть, и просто халатность типа «Хотели как лучше, а получилось, как всегда».

По тому же плану 1 июня новое судно официально зачислялось в состав судов ГУСМП и начинался аврал — погрузка угля, воды, провианта и прочего, чтобы закончить утром 12 июля, а во второй половине дня выйти

¹ Кренкель Э.Т. «РАЕМ – мои позывные». Глава XIII.

² «План похода л/п «Челюскин» из Ленинграда во Владивосток Северным Морским путем» (пронумерованные листы машинописного оригинала на 2-х страницах, но без окончания и подписи, по-видимому, изъятые из какого-то дела, потому что карандашом на первой странице стоит 17 и на второй - 18).

в рейс на Мурманск. Полярный поход должен был триумфально закончиться во Владивостоке 1 октября.

Старший лейтенант корпуса морских офицеров

В 1926 году СССР самочинно объявил своей собственностью всё земное, воздушное и водное пространство в треугольнике от полуострова Рыбачий в Скандинавии до Северного полюса и далее до Берингова пролива. Сегодня на эстрадное зрелище — постановку у Северного полюса на морском дне российского флага из титана — поднялся во всех газетах невероятный шум, вышли на трибуны государственные деятели стран, задетых «флаговым самочинством» в стиле авантюристов XVII века, — а тогда никто не отреагировал: подумаешь, необитаемые острова и океанское дно...

И кем-то в Кремле, но не Сталиным, который еще только подспудно набирал власть, а скорее всего, старым большевиком Валерианом Куйбышевым, председателем ВСНХ (Всесоюзного Совета народного хозяйства — вовсе не номинального тогда правительства), было приказано сделать острова круглогодично и круглосуточно обитаемыми! Начать с архипелага Земля Франца Иосифа (ЗФИ в просторечии) и там, на острове Гукера, устроить полярную станцию, заодно посмотреть, нет ли островов не открытых, и их застолбить, всюду поставить флаги.

Вот так летом 1929 года была сыграна прелюдия к Лагшмиваре и Оюшминальде: в арктическое плавание вышел ледокольный пароход «Георгий Седов», носивший имя полярника, старшего лейтенанта корпуса морских офицеров, умершего в экспедиции 1914 года к Северному полюсу...

Штурман дальнего плавания на торговых судах, Седов происходил из семейства простых азовских рыбаков, но пошел добровольцем в военно-морской флот, быстро получил чин «поручика по адмиралтейству» и в 1901 году в первой своей северной экспедиции составлял карту побережья Новой Земли. Чтобы «составлять карту» — вести геодезическую съемку, офицер должен был прежде всего хорошо рисовать, занося на бумагу окрестные пейзажи, умело и точно вести астрономические наблюдения и съемку местности с помощью бусоли и мерной цепи. Всё это он, очевидно, делал хорошо, потому что восемь лет спустя был отправлен изучить возможность судоходства по «трехрусловой» в своем устье реке Колыме, которая бывает покрыта льдом до 286 дней¹ в году.

Седов ставил там фарватерные вехи на главном русле, достигавшем

¹ Колыма. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

шириною 20 верст, по берегам воздвигал створные знаки. Так что после его отъезда назад в Петербург пароходы с продовольствием и другими товарами стали на следующий год подыматься вверх по реке до самого Средне-Колымска. Описание проделанных работ, доклад о географических и особенно этнографических особенностях этого края и пешего маршрута, проложенного через Яблоновый хребет, оказались столь интересны и важны, что Седова представили в Зимнем дворце императору Николаю II. Царь удостоил офицера весьма высокого по рангу ордена Святого Станислава, (что давало дворянство этому, вообще говоря, простолыдину по рождению), а Императорское русское географическое общество приняло в действительные члены, как и Русское астрономическое общество (не Императорское, а частное).

Но в Петербурге Георгий Яковлевич задержался ненадолго. В августе 1912 года на шхуне «Святой Фока» отплыл из Архангельска, думая добраться до хорошо ему знакомой Новой Земли, там на несколько месяцев остановиться, а в феврале, когда солнце уже начнет показываться из-за горизонта, пешком с северной оконечности Земли Франца Иосифа взять Северный полюс. Он представил свой план в марте 1912 года морскому министру, тот не стал решать единолично, собрал комиссию, а та решила, что план имеет «несколько непродуманный характер»¹: на всю экспедицию отводилось лишь шесть месяцев, начиная с конца лета именно 1912 года...

Стремление Седова к Северному полюсу было не столько научным, сколько сугубо патриотическим. Он говорил: "...Амундсен желает во что бы то ни стало оставить честь открытия [Северного полюса] за Норвегией... Он хочет идти в 1913 году, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг..."² Царь поддержал экспедицию, дал двухгодичный отпуск с сохранением содержания, повысил в чине, однако выделил смехотворную сумму для такого труднейшего предприятия: всего лишь 10000 рублей. Пришлось недостающие деньги — более 100 тысяч рублей!³ — собирать по общественной подписке, а времени было мало именно из-за того, что Седов спешил обойти Амундсена. Эта торопливость вместе с обещанием, данным сгоряча государю, достичь полюса раньше норвежца, сыграли роковую роль. Патриотизм Седова выразился и в том, что он категорически отказался от иностранного финансирования, поскольку спонсор требовал по договору права своей страны стать владельцем седовских открытий.

Всем очень странно, почему в экспедицию не была взята уже суще-

¹ Ледогоров И. Георгий Седов. Триумф и трагедия. Интернет, сайт АНОМАЛИЯ

² Использованы материалы сайта <http://100top.ru/encyclopedia/>

³ Ледогоров И. Там же.

ствовавшая тогда радиосвязная аппаратура. Странность в другом: почему российские власти не захотели дать отпуск радисту военно-морского флота, и аппаратуру пришлось оставить в Архангельске.¹

...До полюса от крайней точки острова Гукера было 900 километров. У Седова началась цынга и распухли ноги. Но даже заболев, Георгий Яковлевич, как давший слово офицер, не мог остановиться и тем более повернуть назад. Он и двое его матросов упрямо пробивались через торосы, а термометр показывал минус 40... Седов жестоко простудился, в его дневнике то и дело встречаются слова «кашляю, тяжело очень при большом морозе дышать на ходу», «страшно тяжело идти», «до того слаб, что не мог и десяти шагов пройти», «здоровье мое очень скверно»²... Он подбадривал своих спутников: «Наше дело великое. Мы теперь себе не принадлежим. На родине гордятся нами. Будем думать о ней».³

Матросы похоронили его на острове Рудольфа.

Под голову своему командиру они положили российский флаг, который он надеялся водрузить на полюсе...

А тринадцать лет спустя на корабле, названном в честь неслыбавшего полярника, судьба свела пятерых персонажей нашего рассказа: Самойловича, Визе, Кренкеля, Воронина и Шмидта.

И «графа» припомнили...

**«Политдонесение»⁴
начальнику Политуправления ГУ СМП Белахову**

«По Арктическому институту добились значительного оздоровления: там органами НКВД изъято 30 человек... Самым важнейшим условием дальнейшего оздоровления института является снятие Самойловича, ... политическая физиономия которого достаточно ясна...»

**И.о. начальника Ленинградского политотдела
Севморпути
Бубнов**

¹ Там же.

² Филатов Юрий. «На север, только на север...» Электронная версия газеты «Владивосток», 01.05. 2007 г.

³ Ледогоров И. Там же.

⁴ Крылов В.В. Донос на академика О.Ю.Шмидта и его сотрудников // Вестник Российской академии наук. 1995. Т.65. №11

Этот донос написан через десять лет после того, как «Георгий Седов» в упомянутом арктическом рейсе плыл вокруг Новой Земли. А Самойлович Рудольф (или, если угодно, Рувим) Лазаревич был всемирно знаменитым ученым, директором Института по изучению Севера. О всемирной (что в те времена означало, конечно, всеевропейской) известности сказано не ради красного словца. Год назад на ледоколе «Красин» Самойлович был начальником экспедиции, которая в Арктике подобрала людей с погибшего дирижабля «Италия», и выступал с докладами по Франции, Бельгии, Нидерландам, Швеции, Швейцарии, Чехословакии, Германии и, разумеется, Италии, которая наградила его специально выбитой золотой медалью¹.

Геолог, выпускник Королевской Саксонской горной академии, старейшего в мире геологического института в городе Фрейберге (том самом, где учился Ломоносов), Самойлович начал свою арктическую биографию в 1911 году. Он пребывал тогда за «социал-демократию» в архангельской ссылке. Там познакомился со знаменитым полярником («знаменитым» опять-таки пишу не для красного словца) Владимиром Александровичем Русановым, сплавал с ним на Шпицберген (ах, какие же либералы были царские чиновники: побега не опасались!) и — геолог ведь! — открыл там между делом залежи каменного угля. Установил на этом месте российский флаг (всего таких заявочных столбов русановцы поставили 28²), пять тысяч пудов топлива привез в Архангельск...

После большевистской революции, в 1920 году Самойлович создал «Северную научно-промысловую экспедицию», будущий Всесоюзный арктический институт, и до 1938 года им руководил. Превосходно ориентируясь в возможных минеральных богатствах Заполярья, посылал паромные и пешие экспедиции на морские острова, в тундру, на берега Оби. Записи маршрутных дневников превращались на совершенно секретных картах в месторождения нефти, угля, свинца, цинка, меди, молибдена... И сам в кабинете не сидел, брал по праву начальника под свое крыло то, что поинтереснее.

Скажем, руководство научной частью арктической германо-советской экспедиции на самом большом в мире летательном аппарате того времени — дирижабле «Граф Цепелин».

Когда «Георгий Седов» возвращался домой с задания насчет установки флагов на ЗФИ и прочих островах, этот летательный аппарат совершал первый в истории авиации кругосветный маршрут. Со своей базы в германском городе Фридрихсгафене на берегу Боденского озера плыл через

¹ Куksин Илья, Полярники, Интернет, сайт Kuksin 1

² К 115-летию Александра Степановича Кучина, Интернет, портал «Владимир Русанов» города Печора.

Сибирь в Японию, потом над Тихим океаном в США и через Атлантику восвояси.¹ Советским людям был тогда обещан пролет над Москвой, сотни тысяч любопытных толпились на улицах и крышах, но сильный ветер заставил корабль обойти столицу СССР с севера и лететь через Вологду, Пермь, Тобольск и Якутск.

Но всё-таки москвичи увидели «Графа» на следующий год, когда он прибыл в столицу с демонстрационным визитом. Размеры его поражали даже самых бывалых авиаторов: длина 235 метров, больше двух футбольных полей, диаметр с десятиэтажный дом, дальность беспосадочного полета 14.000 километров, максимальная скорость 128 км/ч. А для пассажиров двухместные спальные кабины, словно в международных вагонах, умывальные комнаты, салон отдыха, он же столовая, электрическая кухня...

Месяца три после этого визита главная газета страны «Правда» отмалчивалась, а потом призвала всё население жертвовать деньги для постройки «Эскадры имени Ленина» из семи дирижаблей: «Ленин», «Сталин», «Старый большевик», «Правда», «Клим Ворошилов», «Осоавиахим» и «Колхозник»², все размерами не менее «Графа» (для тех, кто хорошо знает историю СССР, ясно: названия подбирались по конъюнктурному принципу, но по какой такой причине оказался забыт «Рабочий»?). На всех предприятиях и в учреждениях страны срочно сформировались «добровольные группы поддержки» (с членскими взносами, разумеется), возглавляемые государственным «Комитетом содействия дирижаблестроению». Утверждали, что сам Ленин еще в 1914 г. «придавал большое значение дирижаблям», — но, как частенько и бывало, пламенные статьи и речи кончились ничем. Дирижабли в СССР строили, однако до немецкого супергиганта было далеко, слишком сложный и дорогой он был (даже американцы, которым после Первой мировой войны побежденная Германия передала документацию, толком справиться с технологией не смогли). А когда конструкторы тяжелых самолетов взяли верх, дирижаблестроение без шума свернулось, как, впрочем, и во всем мире. Но это в будущем...

Пока же, во время московского визита «Графа» договорились с немцами о научно-рекламной международной акции: летом 1931 года ледокол «Малыгин» двинется всё к той же ЗФИ, а «Граф» прилетит туда через Ленинград и Архангельск. Будут исследовать Арктику с воздуха и воды. Новейшую измерительную технику доставил на борт дирижабля ленинградский метеоролог, профессор и изобретатель Петр Алексеевич Молчанов, конструктор радиозонда — маленького воздушного шара с радиопередат-

¹ DIE GESCHICHTE DER ZEPPELINE, Интернет

² Дирижабль. БСЭ. 1-е изд., т. 22.с.523.

чиком и приборами для изучения температуры, скорости ветра, влажности воздуха. В 1914 году он окончил физико-математическое отделение Санкт-Петербургского университета, пошел добровольцем на фронт, там стал военным метеорологом и написал книгу “Курс метеорологии для летчиков и воздухоплателей”. Молчанов в полете «Графа» выпускал с него радиозонды, и один передал данные с небывалой высоты: 20.000 метров.

Встретясь с «Малыгиным», дирижабль передал 300 килограммов почты, в том числе 50.000 открыток, марки которых были погашены специальным красным треугольным штемпелем. На нем были изображены русские церковные «луковки» и высокая стрельчатая башня немецкого храма. По периметру надпись: Luftschiff Graf Zeppelin Russlandfahrt 1930 — Дирижабль Граф Цеппелин Русский маршрут 1930. Такая открытка у коллекционера — предмет особой гордости. Принимал германскую почту и передавал «Графу» 15 тысяч советских проштемпелеванных открыток работник Наркомпочтеля, партийный деятель Иван Дмитриевич Папанин, выступавший в роли начальника почтового отделения ледокола «Малыгин». Понятно, что на ледоколе было множество корреспондентов газет, а кроме того — конструктор погибшего дирижабля «Италия» Умберто Нобиле (он работал тогда в СССР в КБ дирижаблестроения) и... Владимир Юльевич Визе, заместитель Самойловича по Арктическому институту.

Радиосвязью же с борта «Графа» занимался Эрнст Теодорович Кренкель, посланный на дирижабль именно по рекомендации Визе, который еще во время плавания на «Георгии Седове» познакомился с великолепной техникой этого радиста. Визе вообще любил подбирать понравившихся ему людей, и, присмотревшись к Папанину, представил Самойловичу хороший кадр для Арктического института.

В 1937 году на ледокольном пароходе «Садко» Рувим Лазаревич ушел в свою 21-ю научную экспедицию. Из-за многочисленных нелепых совпадений и робкого командования тех, кто вместо Самойловича оставались «на хозяйстве» в Институте Арктики, в лед Севморпути вмерзло 26 кораблей¹, совершенно не готовых к зимовке. В том числе, весь ледокольный флот, кроме “Ермака”, капитан которого не стал ждать указаний с берега, а полным ходом увел свой корабль на чистую воду.

Перед возвращением Самойловича после вынужденной зимовки журнал “Советская Арктика” напечатал статью, утверждавшую, что геологические исследования Института дали «ничтожные результаты», хотя, например, на Новой земле работала 21 экспедиция. Авторы статьи Г. Сысоев, И. Ширяев и В. Назаров «забыли», что там найдены медь, цинк, ас-

¹ Корякин В.С. «Внукам памятная вест...», Интернет, Новости науки в журнале «Природа» № 2, 2007.

бест, и обвиняли директора Самойловича «деятельность», как они выразились в кавычках. Для тех, кто умел читать, кавычки эти значили, что судьба Рувима Лазаревича решена...

Масла в огонь подлило резкое выступление на коллегии Главсевморпути начальника этой организации Шмидта. Хотя Шмидт донос чекиста Бубнова, сообщавшего, что «серьезное недоумение и тревогу вызывает поведение ... начальника ГУ СМП тов. Шмидта. Ведь он как руководитель-большевик должен задавать тон, показывать пример непримиримости и образец настойчивости в проведении мероприятий по оздоровлению системы», не читал, но ощутил сгущающуюся вокруг себя атмосферу и решил «показывать пример»...

Самойлович вернулся из Архангельска в Ленинград 21 мая 1938 года, поехал в отпуск в Кисловодск¹ и там в августе бесследно исчез... Шел сталинский отстрел партийцев из старой РСДРП, и он по всем пунктам своего жизнеописания был прямым кандидатом на ликвидацию. Еще бы, в типографии своего брата Анатолия печатал социал-демократические прокламации, в ссылке в Архангельске стал секретарем двух общественных, проникнутых тем же духом социал-демократии (не большевизма!) организаций: Общества изучения русского Севера и Общества политических ссыльных (каков либерализм «проклятого самодержавия»!..).

Припомнили ему, что при советской власти непонятно почему стал беспартийным. Ведь Самойлович когда-то состоял в РСДРП, однако меньшевистской, и ленинско-сталинских большевиков не жаловал: «Я служил партии в самые тяжелые для нее годы, сейчас при помощи партии делают карьеру, а моя карьера — Арктика». Он думал, что, отойдя в сторону от партийных дрызг, он оказался в тени, — такими наивными иногда бывают даже большие люди...

На него повесили шпионаж в пользу Германии, поскольку выезжал туда и летал на ихнем дирижабле по СССР, а немцы не прислали обещанных аэрофотоснимков, сославшись на «испорченную пленку». Обвинили в попытке продать иностранцам открытое им двадцать лет назад угольное месторождение на Шпицбергене. А главное — что строил заговор с целью убийства великого Сталина... Год терзали человека «громдой борцовской фигуры и великолепного мягкого характера»², («методы следствия» что чекистов, что гестаповцев известны), потом... Нет, не расстреляли, до смерти забили на допросе. И выдали жене окровавленную одежду³. Вытравили повсюду любое упоминание о нем, и «остров Самойло-

¹ Каневский З.М. «И станут возвращаться имена...» Сайт Интернета.

² Кренкель Э.Т. РАЕМ — мои позывные. Глава IX.

³ Их именами названы... Интернет. Центральный еврейский ресурс «Семь 40», рубрика «Ученые»

вича» превратился в «остров Длинный»...

Но большевизм рухнул, и стену забвения разрушили те, кто никогда не забывал Рувима Лазаревича. О нем и его делах теперь напоминают, кроме острова Самойловича в архипелаге Северная Земля, бухта его имени на Новой Земле, и пролив, и гавань, и рудник, и ледниковый купол в Арктике, и полуостров, и гора, и мыс в Антарктиде, и работает в северных морях научно-исследовательское судно «Рудольф Самойлович»...

Молчание — золото

Владимира Юльевича Визе, частого спутника Самойловича и его заместителя по Арктическому институту, спасло от судьбы друга то, что по своему молчаливому характеру в случайных дискуссиях не участвовал, а правоту свою доказывал не словами — формулами математики и непременно сбывавшимися прогнозами дрейфа льдов.

Несмотря на русское имя и отчество, Визе — российский немец, но сведения о его предках настолько скудны, что даже в фундаментальном трехтомнике «Немцы в России» о них ничего не сказано.

Уроженец Царского Села, Владимир Юльевич окончил там Императорскую Николаевскую гимназию и с восемнадцати лет получал образование по химии в Гёттингенском и Галльском университетах. В Гёттингене Визе познакомился с книгой Фритьофа Нансена об арктическом дрейфе «Фрама» в конце 1890-х годов: "Во льдах и мраке полярной ночи". Полярники, эти настоящие мужчины, были представлены Нансеном так выпукло, что восемнадцатилетнему Владимиру мучительно захотелось встать в один ряд с ними. Он стал читать старинные фолианты и добился, что ему разрешили брать эти бесценные раритеты в свою студенческую квартирку! Освоил голландский язык, чтобы прочитать экспедиционные донесения выдающегося полярного капитана XVI века Вильгельма Баренца, который искал Северо-Западный проход между Азией и Америкой и погиб на Новой Земле.

Покамест же, вернувшись в Россию, он поступил в Петербургский университет на физико-математическое отделение, где готовили не только физиков и математиков, но и геологов, географов, метеорологов, биологов. Первыми заполярными исследованиями студента Владимира Визе были два путешествия в 1910-1911 годах по Кольскому полуострову, где жили лопари (так называли тогда народность саами). Близ Хибинского хребта он и его друг-сокурсник Михаил Павлов обнаружили апатиты, сам же Визе с увлечением слушал лопарскую музыку и записывал лопарские

верования. Итогом стали две первые научные работы Визе по фольклору лопарей¹ и их музыке. Вдохновленный Вагнером, он написал в Петербурге симфонию «Скитания по Лапландии»². Проходя по реке Умбе от устья до истоков, Визе и Павлов нанесли на карту неизвестные озера, реки и ручьи. И привезли в Петербург описания 198 видов тамошних птиц, о некоторых из которых орнитологи ничего не знали. Будущее представлялось прекрасным, и Павлов стал профессором геологии... Однако внезапно советская власть приехала за ним на машине... Его расстреляли как саботажника, потому что он не мог встать с койки от истощения...³.

Но мы еще в 1912 году, и снова развитие событий сводит нас с Георгием Яковлевичем Седовым.

Он готовит экспедицию к Северному полюсу, и Визе сумел добиться участия в ней. Так написано во всех его биографиях: «Сумел добиться...» Неужели не было в Петербурге других кандидатов, кроме этого студента-этнографа, правда, с тремя заграничными дипломами и опытом двух летних экскурсий «по родному краю»?

И как он вышел на контакт с Седовым? Через родственные связи? Скажем, хотя бы через страховые: отец Визе, Юлий Иванович, входил в правление солидного петербургского «Русского страхового общества "Помощь"», основанного еще в 1880 году⁴. Ясно, что без страхования жизни и имущества арктический поход в то время был немислим. Но будущий знаменитый полярник Визе ничего не рассказывал о «подходах» к Седову, вспоминал о результате: «Входил я с трепетным сердцем, а вышел с ликующим: и я, и Павлов были приняты в экспедицию. Возможно, что тут сыграло роль то увлечение, с которым мы рассказывали Седову о наших лапландских скитаниях. Если это так, то пусть будут благословенны лапландские тундры».⁵

Увы, как мы знаем, организация экспедиции шла по привычному русскому обычаю: создание трудностей, чтобы потом их героически преодолеть. Неудача похода, как вспоминал Владимир Юльевич, была заложена в поспешной и недостаточно продуманной подготовке. Наспех набранная команда без настоящих моряков, наспех закупленное продовольствие (купцы, пользуясь случаем, всучили скверные продукты), а самое главное — бесосновательная надежда, что удастся избежать зимовки. В итоге из-за

¹ Визе В.Ю. Лопарские сейды //Изв. Архангельского общества изучения Русского севера. – 1912. - №9. – С.395-401; № 10. – С.453-459.

² «Жизнь, отданная призванию» сайт Интернета

³ «Михаил Алексеевич Павлов, геолог, профессор» сайт Интернета

⁴ Юлий Иванович Визе. Интернет, сайт funeral-spб.narod.ru/necropols/literat/tombs/vize/vize.html

⁵ tourpress.ru. Полезные статьи для путешественников 20-02-2007

тяжелых льдов не пробился пароход с углем и продовольствием, и участникам экспедиции пришлось расходовать запасы, приготовленные для похода к полюсу. Визе стойко переносил лишения, ни на день не оставлял положенных наблюдений и географических обследований, и в его честь Георгий Яковлевич назвал мыс и ледник на Новой Земле, где они зимовали.

Когда встали на вторую зимовку на острове Гукера (Визе, как судовой географ, произвел его топографическую съемку) в архипелага Земля Франца-Иосифа, из-за плохой пищи у Седова началась цынга. Несмотря на это, он с двумя матросами тронулся в путь к полюсу, но было ясно, что не дойдет. Провизии у них, по словам Визе “могло хватить только до полюса, а никак не на обратный путь”. Вы спросите: «Если Визе так хорошо всё понимал, почему же он не стал возражать против ледового похода?» Прежде всего потому, что это сейчас мы воспринимаем Владимира Юльевича как академика и героя полярных просторов, а тогда... Кто он был такой в сравнении с офицером Седовым? Всего лишь студент Петербургского университета с двумя германскими дипломами, не признаваемыми Россией, пусть и прекрасно играющий на пианино в кают-компании.

Уже на седьмой день похода Седов не мог идти, но, лежа на нартах, приказывал везти себя на север, пока не скончался...

В августе 1914 г. "Св. Фока" вернулся в Архангельск. Угля не оставалось, в топку летела мебель, деревянные переборки помещений, словом, всё, что могло гореть.

После начала войны мы видим Визе в Морском Генеральном штабе, после Октябрьского переворота — в Главной геофизической обсерватории, а с 1921 года — в Гидрографическом управлении Военно-Морского Флота. Как опытного полярника, его отправили в арктические моря строить первую в СССР гидрометеорологическую обсерваторию в проливе Маточкин Шар.

Сходно мыслящие люди легко находят друг друга. Так было и с Визе: Самойлович в 1928 г. пригласил его в свой Институт по изучению Севера. И немедленно назначил начальником спасательной экспедиции на ледоколе «Малыгин», искать людей с погибшего дирижабля «Италия», двигаясь курсом чуть в стороне от пути «Красина», на котором плыл Самойлович.

Осенью 1930 г. Институт по изучению Севера стал Всесоюзным арктическим институтом, а Визе — заместителем директора Самойловича.

Семь лет спустя пошел научным руководителем экспедиции на ледокольном пароходе "Садко". Побывал в море Лаптевых, обогнул Новосибирские острова. Самойлович тоже был на «Садко» и отправил Визе на Большую землю самолетом, когда вывозил всех, кто не был безусловно необходим, чтобы поддерживать тепло жизнеспособности во вмерзших в

лед «Садко», «Седова» и «Малыгина». Чем закончился дрейф «Лагеря трех кораблей», мы знаем: арестом и гибелью директора Арктического института. Можно быть уверенным, что, останься Визе на зимовку и вернись вместе с Самойловичем, самое худшее не замедлило бы последовать. Но злобный черный ворон пронесся мимо...

Поэтому не было запрета называть арктические и антарктические объекты именем Владимира Юльевича: мыс, ледник и бухта на Новой Земле, остров, предсказанный им «на кончике пера» по дрейфу льдов в Карском море, мыс на Северной Земле и мыс на Земле Франца-Иосифа, еще один мыс в Антарктиде и научно-исследовательский арктический теплоход.

Неисповедимы пути судьбы.

(Продолжение следует)

Аннушкин В.И.

Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С.Пушкина, председатель Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики, член Союза писателей России, член Экспертного совета по сохранению духовного и культурного наследия средствами гуманитарного образования и просвещения при Общественной палате РФ, член Общественно-консультативного совета при Департаменте образования г. Москвы «Образование как компонент духовно-нравственного развития», научно-методический руководитель программ Центра риторики и культуры речи Златоуст.

Русский язык – речь – слово и наука филология

в свете проблем российского образования.

Не ищи определения слову – Его нет. Слово везде и нигде. Слово – это слово...

В. Коллегорский

Что такое **язык – речь – слово**, понятно, на первый взгляд, любому человеку, тем более педагогу, филологу, однако вопрос не так прост, если заглянуть в историю вопроса и поставить вопрос иначе: отчего курсы родного русского языка находятся у нас если не в небрежении, то не вызывают интереса вследствие непонимания той пользы, которую даёт знание и владение языком? Иначе говоря, почему научно-педагогическое сообщество не вдохновлено изучением языка? Не потому ли это происходит, что мы не умеем пропагандировать наш предмет, не имеем достаточно аргументов ни в вузе, ни в школе относительно той пользы, которую приносят знание языка – речи – слова и владение филологией как наукой и искусством Слова?

Прежде всего, определимся с тем, что такое **язык – речь – слово**. Мы любим вспоминать и повторять основной тезис европейской философско-филологической культуры: «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Бог был Слово». О каком Слове здесь идёт речь? Может быть, речь идёт

о человеческом «языке» или о слове как лексической единице? Очевидно, что нет. В Евангелии от Иоанна, которое начато этими строками, речь идёт о некоей духовной силе, которая была в основании жизни и мира, и именно этой духовной силой, называемой Словом, Господь творит мир, и само Слово есть Бог, который был в основании жизни, и именно Господь вкладывает затем «дыхание жизни» и словесную способность в своё любимое создание – человека.

С тех пор человек – творение «словесное». Слово (по-гречески Логос) означает и Божественный разум, и Божье Слово, которым творится мир («И сказал Бог: Да будет свет! И бысть тако...»). Вложенная в человека способность затем переосмысливается как «языковая», поскольку основной вид речи (мы теперь говорим «речевой деятельности») рождается с помощью «языка», и «язык» (в отличие от «слова») означает в библейских текстах пользование именно устной, а не письменной речью. Именно так осмыслился термин «язык» ещё в пушкинское время, т.е. как «изустная речь» (речь, исходящая «из уст»), и словосочетания «письменный (как и литературный) язык» были ещё для педагогов и школьников пушкинского времени невозможны.

С помощью Слова-Логоса, по примеру своего Создателя, человек начнёт творить свою жизнь, давая имена всем предметам и явлениям. В поэтической форме этот акт именованья лучше всех выразил Арсений Тарковский: «Немую связь предметов и явлений одушевлял, даруя имена...», или: «...из рая выйдет в степь Адам и дар прямой, разумной речи вернёт и птицам и камням». Сократ и Конфуций на разных континентах одинаково выразили суть теории и практики именованья, соотнося три понятия «имя», «речь» и «дело» следующим образом: «Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если речь не повинуется, то дело не образуется. Если же имя дано верно, то и речь повинуется, и дело образуется».¹

Итак, вся человеческая жизнь организована мыслью-словом, т.е. логически. Практически это воплощается в том, что **речь есть инструмент управления обществом** (внятна ли эта мысль нашим политикам и предпринимателям?), а язык с появлением письменной культуры стал синонимом слова «народ». Через эффективное владение языком организуется и народная жизнь, и бытие всякой личности, ибо «скажи мне слово – и я скажу, кто ты».

Передаются ли эти простые и вдохновенные истины в нашем языковом образовании или по-прежнему для большинства наших соотечественников представление о языке (и русском языке, в частности) связано с тем, как правильно говорить: «ЙОгурт или йогУрт» и среднего ли рода слово

¹ Цит. по: Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996. С. 63.

«кофе», а содержание предметов «русский язык» и «литература» уж и не обсуждается, поскольку перед всеми стоит гигантская методическая задача: как вложить в прокрустово ложе ЕГЭ с его однообразным тестированием ту глубину и богатство национальной святыни, которая называется «великим русским языком» или «Словом».

Цель настоящей статьи – обсуждение предметов известных, но с новыми данными (таков будет краткий обзор эволюции терминов **язык – речь – слово**), а затем – прояснение предметов **филологии – словесности – риторики**, ибо от того, как будет истолковано содержание этих предметов, зависит характер будущих преобразований в вузовском и школьном преподавании. Несомненно и то, что каждый из этих предметов необходимо связать с духовно-нравственной культурой, которая является основой для построения любого гуманитарного предмета, связанного со словом.

* * *

Чтобы почувствовать, как понималось «слово» в русской филологической классике, вчитаемся в строки М.В.Ломоносова, чья современность в год 300-летнего юбилея доказывается именно этими суждениями:

«По благороднейшем даровании, которое человек среди прочих животных превосходит, то есть правителе наших действий – разуме, первое есть слово, данное ему для сообщения своих мыслей»¹. Итак, первое, что человеку даровано и чем он превосходит других одушевлённых существ – разум, управляющий нашими действиями, разум же выражается в слове, цель которого - «сообщение мыслей». Нельзя не видеть современности этого определения, ибо «сообщение мыслей» вполне соответствует идее коммуникативности, на которой построено всё обучение речи во второй половине XX столетия. Обмен мыслями с помощью слов назван у Ломоносова «обращением», сам процесс речевой связи между людьми (то, что мы теперь называем иностранным словом «коммуникация») – «сообщением». Ср.: «Обращение мыслей человеческих, для которых взаимного сообщения служит слово...»

Давайте точно истолкуем и следующую ломоносовскую мысль: «Но как велика творческая премудрость: одарил нас **словом**, одарил слухом!»². Не должно ли писать слово «творческая» с прописной буквы, ибо речь идёт о премудрости Творца, который одарил только человека, своё любимое создание, способностью выражать мысли в устно-речевой форме и воспринимать слово «слухом»? Итак, слово - не просто единица языка, а

¹ Ломоносов М.В. Российская грамматика. // Полное собрание сочинений. Т. 7. М., Л. 1952. С. 394.

² Там же. С. 395.

нечто большее – сама творческая способность человека мыслить и выражать мысль в речи, в чём только человек уподоблен своему Творцу.

А теперь уточним содержание трёх главнейших терминов **язык – речь – слово**, называющих те науки, которые мы изучаем поныне: М.В.Ломоносов первым назвал их «**словесными**», с середины XIX века постепенно утверждаются «**языковые**», или «**языковедческие**», поскольку классическая схема словесности стала сменяться «**языковедением**», а с середины-конца XX столетия мы всё чаще говорим о науках «**речеведческих**» или **речеведении**. Культура современного информационного общества требует ясного осознания того, как выстраивалась эволюция филологического знания. Вот почему так необходимо хотя бы кратко показать историческое развитие терминов **слово – речь – язык**, перейдя затем к уточнению содержания основных предметов современного словесно-гуманитарного образования, которые объединены термином **филология**.

* * *

Что такое **язык – речь – слово** в их эволюционном развитии?

Начать следует с фольклора как изначального текста устной речи, в котором зафиксирована культура речевого поведения, правила речи для человека, ещё не знакомого с текстом письменным (здесь надо хорошо понимать, что введение в фольклорные тексты сведений о письме, книге, Боге является поздним наслоением, связанным с появлением соответствующих видов текстов). В некотором смысле мы все являемся такими «фольклорными» людьми в детстве или дошкольном возрасте, когда постигаем язык в его устной разновидности. Анализ пословиц, содержащих правила языка-речи-слова, позволяет выстроить следующую картину:

Слова **язык – речь – слово** (терминами они ещё не стали!) встречаются в фольклорных текстах как синонимы при обозначении главной коммуникативной функции языка как орудия общения и взаимодействия людей. Уже первый ряд пословиц фиксирует переносное значение слова **язык**: орудие общения и взаимодействия, инструмент управления. Он утверждает силу языка, который руководит как самим человеком, так и другими людьми и обстоятельствами. Ср.:

- Мал язык – великим человеком (вариант: да и всем телом) владеет.
- Мал язык – горами качает. Языком – что рогачом (т.е. язык – инструмент).
- Язык – стяг, дружину водит. Язык царствами ворочает (т.е. язык управляет).
- Язык языку весть подает (т.е. народное сознание фиксирует, что

язык есть средство общения, выполняющее коммуникативную функцию)¹.

Отличие термина **язык** от синонимичных **речь** и **слово** можно зафиксировать в следующем: **язык** понимается как общее понятие, сам способ выражения мыслей (как и указанные выше значения инструмента общения, способа связи); **речь** понимается как реализация языка в распространенном тексте:

- Недолгая речь хороша, а долгая – поволока.
- Короткую речь слушать хорошо, под долгую - думать хорошо.
- Речист, да на руку нечист.
- Каковы свойства, таковы и речи.

Слово понимается более всего как минимальный отрезок текста, минимальная смысловая единица языка / речи, конкретный выразитель мыслестилевого намерения. Например:

- От одного слова – да навек ссора.
- Лишнее слово – в досаду (в грех, в стыд) вводит.
- Ради красного словца не пожалеет (не пощадит) ни мать, ни отца.
- Сказал бы словечко, да волк недалечко.²

Однако в ряде пословиц, как и в современных текстах, слова-концепты **язык, речь, слово** синонимичны и взаимозаменяемы по смыслу, когда используются в значении орудия общения. Ср. такие расхожие высказывания при популяризации языка как необходимого средства общения и убеждения:

- Хорошее слово – половина счастья.
- Хорошая речь – путь к успеху.
- Слово политика – орудие его победы. Владеешь языком – владеешь миром.

* * *

Иная картина рождается с появлением письменности и письменных цивилизаций - «инициатива» переходит к термину слово, который становится наиболее частотным вследствие приобретения им сакрального смысла. Это доказывается и изучением употребления слов **язык – речь – слово** в письменных текстах, и особенно анализом текстов духовной литературы в разных культурах. Выше мы показали, что в европейской духовной культуре Слово-Логос есть Бог, который наделяет человека даром разума и слова; схожая картина будет во всех письменных цивилизациях, например, в китайской культуре истинный путь-правило (дао) выражается

¹ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1984. С. 256, 258.

² Там же. С. 256, 258.

в словесной природе человека, которая обозначена термином **вэнь**. Как **слово** – хранитель культуры и образования, так и **вэнь** в китайской традиции значит «культура, образование, просвещение, литература»¹. Процесс творения мира некоей духовной силой, выражаемой словом, связывается Ю.В.Рожественским с «логосической теорией происхождения языка», которая имеется во всех развитых письменных цивилизациях мира.²

Как выясняется, слово **язык** приобретает значение народного «наречия», национального языка (например, русский язык, славянский язык, французский язык), как и значение «**народ**» (ср. «нашествие двенадцати языков» или пушкинское «назовёт меня всяк сущий в ней язык») только в письменной культуре человечества. Основным же термином в текстах письменно-книжной словесности как Древней Руси, так и в литературе XVII-XIX веков становится **слово**, а сами науки называются в России «словесными», основной филологической наукой с начала XIX века является словесность, включающая в себя, например, в «чтениях» основного университетского курса 30-х годов XIX века три науки: 1) теорию языка, 2) теорию речи, 3) теорию слога.³ С рассуждения о **слове** как божественном даре начинаются все учебники грамматики, риторики и словесности того времени, включая труды М.В.Ломоносова, учебники словесности и риторики Царскосельского лицея. Ср. в «Общей риторике» Н.Ф.Кошанского:

«1) Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как сила ума и дар слова. Сии две способности неразлучны; они образуются вместе, взаимно и общими силами ведут человека к совершенству, к великой Небом ему указанной цели. 2) Сила ума открывается в понятиях, суждениях и умозаключениях: вот предмет логики. Дар слова заключается в прекраснейшей способности выразить чувствования и мысли: вот предмет словесности.»⁴

Итак, в русской классической филологической теории, сложившейся на базе учебников словесности первой половины XIX века, термин **язык** понимается как народное «наречие», язык нации (например, российский язык), а в значении средства общения используется только для обозначения «изустной речи». Термин **слово** является основным, и хотя риторика,

¹ См. об этом: Алексеев В.М. Китайская литература // Китайская литература. М., 1978. С. 49-66; Аннушкин В.И., Ван ци. Русский концепт *Слово-Логос* в сопоставлении с китайскими аналогами *дао* и *вэнь* // Русский язык за рубежом. 2009, № 5. С. 69-75.

² Рожественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990. С. 9.

³ Давыдов И.И. Чтения о словесности. М., 1837. См. публикацию данных разделов и перечисляемых ниже филологов-словесников в кн.: Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд., М., 2002. С. 298-398.

⁴ Кошанский Н.Ф. Общая риторика. Спб., 1829. С. 1.

предметом которой считалась «речь», была критикована в середине XIX века, ученые призывали к созданию общей Науки о Слове (К.П.Зеленецкий). Сами же науки о Слове составляли: **лексикология** (ее предмет – «речения», т.е. слова-понятия); **грамматика** (изучает предложения); **синтаксис** (изучает периоды); **риторика** (изучает речь в полном составе)¹.

Современное научное объяснение данных терминов показывает, какую значительную эволюцию они претерпели в дальнейшем. Термин **язык** понимается теперь как система знаковых единиц, выражающая совокупность понятий и мыслей и предназначенная для коммуникации. **Речь** – конкретная реализация языка, облакаемая в устную или письменную, а теперь ещё и в экранную, или компьютерную, или масс-медийную форму, **слово** же – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов и их свойств. Однако при всех современных употреблении данных терминов можно констатировать и сохранение прежних классических значений, например, все три термина служат для обозначения орудия общения в фольклорных, художественных и публицистических текстах. Так, слово «слово» продолжает употребляться в возвышенном значении в различных современных текстах - ср.: «владеть словом», «памятник русскому Слову» и т.д. Ещё раз обращаем внимание на то, что при современных потребностях общения потребовалось выделение «речеведческих» наук – и действительно, если в XIX веке были «словесные» науки, если сегодня существуют языковедческие дисциплины, то почему бы не быть речеведческим? Состав этих наук определяется разными учеными по-разному, но очевидно, что сегодня в них входят, по крайней мере, риторика, поэтика, логика, стилистика, словесность, прагматика, речевой этикет, из новых – связи с общественностью, коммуникативистика, теория и практика коммуникации, имиджелогия, психология общения и нек. др.

* * *

Что же такое филология?

В сущности филология – учение о Слове, если выводить её определение этимологически (греч. филос - любовь + логос - слово), но речь, конечно, идёт не о слове как лексической единице, но, видимо, шире – Слове как выражению сущности человеческого бытия в разных знаковых формах. Вот почему можно говорить о божественной сущности Слова, которое «везде и нигде», которое выражено не только в устной или письменной форме, но семиотически может выразить человеческую сущность в

¹ Зеленецкий К.П. Общая риторика. Курс гимназический. Одесса, 1849. С. 3.

самых разных формах деятельности, например, в разных формах искусства (знаками будут и музыка, и живопись, и скульптура, и различные ремёсла).

Можно говорить и о том, что классическое понимание Слова (а, следовательно, и филологии) преобразовалось в понимание его как **текста**, и именно **текст**, по мнению большинства учёных, считается исконным **предметом филологии**, а филолог-классик – это, прежде всего, комментатор текста. Впрочем, сегодняшнее понимание текста стало настолько широким, что оно предполагает не только текст письменный, но и устный, а затем метафора текста переходит в разные виды искусств, и вот уже сама жизнь рассматривается как текст. Впрочем, супер-современному толкованию слова или текста этого мало, и оно придумывает новые именованья, каковым стало слово **дискурс**, якобы предполагающее рассмотрение текста во всём богатстве жизненных ситуаций, с учётом свойств адресанта и адресата, правда, на мой взгляд, немного добавляющего к лучшим образцам качественного анализа текста, которым всегда отличались филологи-классики.

Традиционный взгляд видит в филологии лишь конгломерат языкознания и литературоведения, но всякому очевидно, что филологическое знание гораздо богаче, и прежде всего оно обращает нас ко всему богатству культуры, которое отражено во всяком языковом факте или речевом явлении как факте нашей коммуникации. Не имея возможности дать обзор существующих мнений на предмет филологии, отошлём читателя лишь к авторитетной статье академика Ю.С. Степанова, справедливо утверждающего текст как «непосредственный объект» филологии, но рассматривающего её как совокупность научных дисциплин (языкознание (гл. обр. стилистика), литературоведение, история, семиотика, культурология и т.д.) и отрицающего наличия «общей филологии» при наличии «частных филологий». Не могу не рекомендовать читателю и классическую статью С.С. Аверинцева в БСЭ, показавшего историю изучения предмета филологии, но рассматривающего филологию лишь с точки зрения письменного текста.¹

Полагаем, что в определениях филологии как науки следует учесть следующие идеи:

1. Филология – учение о правилах и закономерностях создания, передачи, хранения, воспроизведения и функционирования словесных произведений. Соответственно современная филология должна быть адресована ко всем существующим родам и видам текстов словесности развитого ин-

¹ См. наш обзор воззрений различных учёных на предмет филологии (с том числе, Г.О.Винокура, Д.С.Лихачёва и др.) в кн.: Язык и жизнь. 2-е изд., М., Высшая школа, 2010. С.

формационного общества – от семейно-бытовой речи до речи на электронных носителях (массовая информация, информатика, Интернет, мобильная связь и т.д.). В сущности, языковое образование должно включать обучение всему многообразию видов слова.

2. Филология – наука о культурном прогрессе человечества, выраженном в способах, принципах и правилах создания текстов (речи, словесных произведений). Филологическое знание показывает, как технологическое развитие форм речи влияет на смысл речи, позволяя развиваться всем формам общественной культуры, различным видам семиозиса. Сложность современной общественно-речевой ситуации состоит в том, что человечество впервые столкнулось с такими сложными формами словесности как массовая информация, чьё появление рождает совершенно новый облик человека, кардинально меняет стиль жизни, формируемый стилем речи. Между тем, оптимальное развитие человеческого общества возможно только в том случае, если оно будет опираться на культуру как совокупность нравственных и интеллектуальных достижений человечества.

3. Поскольку «в произведениях слова выражается весь состав культуры общества, теоретическая задача филологии – построение научной картины культуры, взятой сквозь призму слова». Если речь является «инструментом общественной организации», то филологическое знание становится «основой компетентного управления обществом»¹.

4. Филология – наука о классификации всех словесных произведений данной национально-речевой культуры. Универсальность филологии – в том, что она занимается не только художественной литературой (чем у нас занимается литературоведение) и не только языковедением (наше языкознание в основном изучает систему языка и его уровни, мало обращаясь к речевой практике), но предмет филологии – «языковые тексты» в разных родах и видах словесности. У языкознания имеется свой предмет: система языка и объяснение фактов языка на разных его уровнях (фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом). Хотя языкознание включает различие понятий язык и речь, оно мало обращается к анализу речевой реальности.

5. Предмет филологии, согласно Ю.В.Рожественскому, – «словесность, или языковые тексты. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих **культурное** значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо сначала обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать

¹ Волков А.А. Юрий Владимирович Рожественский (10 декабря 1926 – 24 октября 1999) // К 80-летию Ю.В.Рожественского. С. 8.

только путем классификации этих произведений»¹.

Филологическое творчество соединено с анализом текста, принципами его порождения, восприятия, бытования в культуре. Неслучайно культура рассматривается Ю.В. Рождественским как «форма коммуникации, принятая в данном обществе или общественной группе»². Форма коммуникации, свойственная данному состоянию общества и отражающая определенный этап развития технического прогресса в создании текстов, диктует развитие всех остальных форм культуры. Это можно очень хорошо проиллюстрировать современными формами искусства на телевидении или в массовых формах развлечений: многотысячные дискотеки, стосерийные телесериалы, контакты с тысячей друзей в Интернете стали возможны только вследствие развития речевых технологий (читай: новых видов текстов)... Но их эффективная жизнь, само разумное творчество возможны только в том случае, если творцы будут основывать свою деятельность на культуре, а не просто на инновациях с новой этикой и моралью (как в «Доме 2» или иных молодёжных проектах) с отрицанием прежней морали и культуры как отжившими формами жизни человечества. Человечество уже проходило такие «отрицания», но, увы, мало чему учится. Впрочем, человечество всегда страдало, когда сталкивалось с новыми формами речи – это один из законов филологии.

Итак, понимание филологии, предложенное Ю.В. Рождественским, позволяет рассматривать культурную историю человечества как отражение форм словесности, а именно определенной фактуры речи, способов создания, передачи, хранения и воспроизведения текста, проявляющихся во всей «совокупности достижений людей» (второе определение культуры).

* * *

Размышляя над проблемами современного словесного образования в школе и вузе, нельзя не задаться вопросами: насколько хорошо современный человек представляет себе роль и значение языка – речи – слова для его жизни? Что такое для нашего современника филологические науки? Ограничиваются ли они русским языком и литературой в школе, языкознанием и литературоведением в вузе?

А, может быть, эти вопросы лишние? Нам бы добиться, чтобы не сокращали часы на русский язык и не исключили бы литературу из ведущих

¹ Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990. С. 113.

² Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. Издание 2-е, исправленное. – М., 1999. С. 3.

предметов... нам бы дожить до светлого момента, когда очередная министерско-новаторская директива не сократила те «классические» предметы, которые всегда преподавались в вузе, и не предлагала бы писать вузовские программы с пятьюдесятью компетенциями, которые якобы приспособлены ко всем предметам науки... А, может, потому и подвержены мы такой безоглядной модернизации (президент сказал: «модернизировать!», министерство и комиссии ответили: «Есть!»), что мы плохо представляем, в чём существо и польза тех предметов, которыми мы занимаемся?

Во всяком случае школьник, приступающий к изучению русского языка 1 сентября, наверняка должен вдохновляться теми сведениями, которые предлагает ему учебник... Раскроем же наши традиционные учебники и посмотрим, что в них пишется о языке. Учебник «Русский язык. 6 класс» начат одностраничным разделом «Русский язык – один из развитых языков мира». Учебник «Русский язык. 8 класс» начат разделом «Русский язык в современном мире» и ему дается характеристика с последовательными определениями: русский язык – это язык великого русского народа...; для русского человека это – родной язык»; «Русский язык – средство межнационального общения народов многонациональной России», он является «государственным языком Российской Федерации на всей её территории»; это – один из мировых языков, это – один из официальных и рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций»¹

Похвала русскому языку, которому даётся характеристика как «одному из самых развитых и богатых языков мира», звучит официально и ... не вдохновенно. Во всяком случае, ученик не поймёт, почему же он должен учить родной язык и чем надо воодушевляться и вдохновляться, когда разговор коснётся **языка – речи – слова**.

В школьное и вузовское языкоучение необходимо ввести, по крайней мере, следующие знания и соответствующие сопровождающие тексты: объяснение роли языка (речи, Слова) в жизни общества и личности. Вот несколько постулатов, которые, на мой взгляд, необходимо вводить и отстаивать в общественном (научно-педагогическом и школьно-студенческом) сознании:

1. **Каков язык, такова и жизнь.** Именно языком как сознательно управляемым орудием взаимодействия людей, средством выражения либо благотворной, либо злотворной мысли создается определенный образ жизни.

¹ Русский язык. 8 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. 7-е изд., Авторы Л.А. Тростенцова и др. М., Просвещение, 2010. С. 3.

2. **Каков язык, таков и человек.** В сознании каждого человека – от школьника до политика и предпринимателя – должна присутствовать мысль о том, что через язык выражается вся сущность человека: мысли, чувства, воля, дела. Встречают по одежке, провожают по уму, выраженному через слово. Скажи мне слово – и я скажу, кто ты.

3. **Культура выражает себя через язык, а хорошая речь основывается только на культуре.** Культура обобщает положительный опыт речевого творчества, указывает способы оптимального пользования речью. Общественное непонимание этого простого постулата лучше всего иллюстрируется отсутствием на телеканале «Культура» какого-либо намёка на передачу о русском языке и культуре речи.

4. **Стиль жизни формируется стилем речи.** Мы ясно ощущаем, что живём в новом стиле, но либо абсолютно не понимаем, либо кому-то выгодно, чтобы бессмыслица идей и словесная безвкусица портили многие благие намерения. Намерение, объединяющее всех – усовершенствовать стиль жизни, но последний совершенствуется только через стиль речи.

5. **Стиль речи создает общественный настрой.** Основания такого настроения – в наших скрытых помыслах и страстях, а «основания красноречия суть страсти» (М.М. Сперанский). «Страстями» у М.М. Сперанского, как и у М.В. Ломоносова, именуется не «грехи», а эмоции, настроения, которые создаются общественной речью. Общество, слушающее безвкусные шутки Comedy club и воспитанное на криминальных сериалах, не может реализовать национальные проекты. Отсюда «грусть-тоска» в глазах молодёжи, ибо жизнь как «ржачка» не веселит, а криминала выплеснуто столько, что он уже и не волнует. Хотим изменить общественное настроение (а именно это требуется после президентских выборов!) – надо менять стиль мысли и речи.

Именно в этом предмет филологии. Цель филологии – систематизация словесного творчества, классификация родов, видов и жанров современной словесности, отбор среди них лучших образцов и направление усилий общественно-речевого творчества. Поэтому филология благоустраивает жизнь общества и всякого человека через язык, а каждый из нас - творец в этом рече-слово-мыслительном процессе.

Юмор и сатира

Соломон Кагна

Никаких проблем

За окном стоял хмурый декабрьский день. Была суббота. Александр остался дома один. Ему только что удалось отклонить предложение своей супруги сопровождать её в походе по магазинам, сославшись на приступ радикулита. Поясница действительно немного побаливала. Александр лёг на диван и стал читать книгу «Пятьсот лет английского афоризма».

Звякнул дверной звонок. «Кто бы это мог быть?». Александр никого не ждал. Вставать совсем не хотелось. Он так уютно устроился на диване, подложив под голову и плечи две подушки, а под согнутые в коленях ноги скатанный валиком плед. Звонок звякнул второй раз. Александр нехотя встал и пошёл открывать дверь.

На пороге стоял его старый приятель.

– Привет, старик! Сколько лет, сколько зим! Как жизнь молодая? А у меня на душе что-то муторно. Плесни в стопарик, если есть чего.

В последнее время они редко встречались. Одной из причин этого была несоразмерность в дозах употребляемого алкоголя. Александр пил как цыпленок, а его приятель как лошадь. Памятуя об этом, Александр поставил на стол початую бутылку виски “Johnny Walker “ и две стопки.

– Наливай себе сам.

– Вот это дело, старик, – оживился тот, наполняя стопки. – Ну, будь здоров и не кашляй! И гусарским насморком не болей!

Александр внутренне поморщился. Его коробило от грубостей. Его приятель, напротив, никогда не отличался изысканными манерами. Прошедшие годы вряд ли изменили их к лучшему, скорее наоборот. Александр вдруг почему-то вспомнил афоризм какого-то острослова из книги, которую он только что читал: «Старая дружба – как остывшая телятина: холодная, неаппетитная, грубая...».¹ Но, несмотря ни на что, Александр очень любил своего приятеля. Они дружили еще со школьных лет, когда

¹ Изречение принадлежит английскому философу и публицисту Уильяму Хэзлиту (1778-1830) Прим. автора

вместе ходили в туристские походы, ездили на рыбалку, варили уху на костре и хлебали ее из одного котелка. Потом их пути разошлись, но время от времени они продолжали поддерживать дружеские отношения. Во время их нечастых встреч, когда они говорили о прошлом, нахлынувшие воспоминания смывали с плеч Александра лет тридцать, и он опять чувствовал себя мечтательным, романтически настроенным юношей.

После того, как его приятель опрокинул две стопки без закуски, без остановки и без намерения сделать перерыв, Александр попытался немного отвлечь его от этого занятия, которому тот предался с таким усердием.

— Ну, старик, рассказывай как жизнь, как семья, как делишки, как де-тишки?

— Все в лучшем виде, старик, - ответил его приятель, наливая себе третью стопку. — Все полный о'кей. Жена у меня прекрасная женщина, да ты же её знаешь.

Александр действительно довольно хорошо ее знал. У него сложилось мнение, что это мегера, каких свет не видал. Чувства были взаимными. Ему было известно, что эта мадам за глаза называла его не иначе как «вшивый интеллигент». Такое положение дел тоже не слишком сильно способствовало поддержанию дружеских отношений со старым приятелем.

— Конечно, гримзит иногда, куда денешься, — продолжал он, — но это все брызги, я и внимания никакого на это не обращаю.

— Ну, и что она гримзит? — спросил Александр, чтобы поддержать разговор.

— Да муть всякую. Говорит, что, мол, зарабатываю я мало, а замашки у меня как у миллионера. Да какие там замашки?! Что, если я другой раз куплю бутылку, так это уже и замашки? Ну, еще, что сына плохо воспитываю, дурной пример ему подаю. Туфта всё это! Если бы он с меня пример брал! А то с какой-то шпаной якшается, наркотой балуется. Я тут недавно уезжал на несколько дней, так он, подлец, ключи от машины спёр и с дружками кататься поехал. Ну, конечно, разбил машину в хламьё, прав у него нет и ездить-то он толком не умеет. Машину забрали в аварийный центр, есть тут такая фирма, они битые машины за бесценок скупают. Когда я приехал, то позвонил туда; думал, что дадут хоть немного денег, поминки по машине справить. Так там один хмырь мне так нагло ответил, что, мол, ещё с тебя причитается за то, что мы твой утиль с дороги убрали. Ну и хрен с ней, с машиной! Мороки меньше! А то всю неделю вкальываешь, а в выходные тоже ни капли, потому что за рулем. Как выходной, так вози мою по магазаям. Стоит там, перед зеркалами крутится, тряпки

разные на себя напяливает: «Это мне идет? А это? А это ...?» - До чего мне обрыдло всё это! Раз не выдержал и ляпнул: «Да не идет, а бежит!» - Что было! Базар-вокзал, скандал! Зарекся больше чего говорить. Ну, теперь машины нет, пусть без меня по магазинам шастает, а мне хоть в выходные немного расслабиться можно. Недавно закатились с друзьями в один клёвый шалманчик. Я там с такой официанточкой познакомился! Роско-ошная женщина! Жопа – восемь кулаков!

– Ну ладно, старик, - перебил его Александр, пытаясь переключить внимание рассказчика на более пристойные темы. – С тобой все ясно. Значит, «дела идут и жизнь легка»?

– Ясное дело, старик. Полный порядок, без проблем! Ну, мне пора, - добавил он, допив последнюю стопку, - а то моя сейчас домой явится. Она любит, чтобы я у двери навтыяжку стоял, когда она приходит, ее приветствовал и почетный караул из себя изображал. Да мне-то наплевать! Я хоть раком встану, только бы потом не гримзела целый вечер, что я под газом пришел. Бывай, старик!

Александр вышел на балкон. Его приятель медленно удалялся, описывая почти правильную синусоиду. Александр забеспокоился, может быть, следует проводить его домой? Но, приглядевшись, увидел, что амплитуда зигзагов не так уж велика. Ничего, сам дойдет, тут не далеко.

Александр смотрел ему вслед с чувством легкой зависти. Не так часто встретишь человека, у которого нет никаких проблем в семейной жизни.

Валерий Шарпило

Санкт-Петербург

Старые сказки в политической окраске

Бурная политическая жизнь России в 2011-2012 г.г., связанная с предвыборными кампаниями, привела к сильной политизации всех аспектов повседневной жизни россиян. Политические программы, дискуссии, шоу заполнили телевизионный экран. Все вокруг вдруг приобрело политическую окраску. А учитывая, что большинство современных детей львиную часть времени проводят у телевизора, этот процесс неминуемо затронул и их. И автору пришлось в голову взглянуть на любимые детские сказки глазами современного, политически грамотного, социально ответственного ребенка. Как выглядят хорошо всем известные герои с точки зрения реалий сегодняшнего дня?

Путь революционера или карьера авантюриста

Итак, первым на очереди Буратино. Впрочем, западным читателям он известен под именем Пиноккио, но не будем акцентировать на этом внимание: в конце концов, большинство русских революционеров меняли фамилии и вошли в историю под псевдонимами. Проследим же историю Буратино (Пиноккио).

Вообще говоря, Буратино по происхождению из люмпенов. Рос мальчик без матери, а его отец, разорившийся музыкант-шарманщик Папа Карло, едва сводил концы с концами и экономил на всем, только чтобы иметь материальную возможность вывести сына в люди. Скопив энную сумму, он отправил ребенка учиться. Благое намерение, однако, упало на неподготовленную почву.

Юный отпрыск меньше всего желал проводить время за книжками. Очень быстро он промотал все деньги в праздных увеселениях с богемой – артистами из театра сеньора Карабаса Барабаса. В итоге, Буратино влип в неприятную историю, сорвав представление в театре, и выпутался из нее лишь став осведомителем Карабаса Барабаса, связанного с представителями правящего режима. Буратино сообщил Карабасу конфиденциальную

информацию об 'окне' на границе в камере своего отца. Впрочем, в оправдание юного кутилы можно сказать, что он не представлял ценности переданных сведений.

На время Буратино все оставили в покое, но что дальше? И здесь, как это часто бывает, в поисках лучшей жизни наш герой связался с криминалитетом – Котом Базилио и Лисой Алисой. Дальше обычная банальная история: партнеры не поделили ни вложенные деньги, ни будущие прибыли. И Буратино, чудом избежав смерти, вынужден был бежать.

С этого момента события начинают развиваться с калейдоскопической быстротой, и различные сюжетные линии накладываются одна на другую. С одной стороны, это чисто практические вопросы, осложнявшие Буратино жизнь. Волей обстоятельств деревянный мальчик с помощью черепахи Тортиллы стал обладателем информации, представлявшей интерес для Карабаса. Но, наш герой больше не собирался работать на последнего и начал самостоятельную игру. Это и предопределило дальнейшее развитие событий.

С другой стороны, в процессе мытарств ярко проявились лидерские качества и конфликтный характер Буратино. Он вошел в контакт и сумел поспорить практически со всеми слоями общества. Ну то, что он стал врагом власти и крупного капитала в лице Карабаса Барабаса – это понятно, в конце концов двойная игра когда-то кончается. Его конфликт с криминальным миром тоже понятен. Но Буратино умудрился испортить отношения и с теми, с кем вроде бы не было никаких оснований их портить. Он поссорился с родовитой аристократкой Мальвиной, с творческой интеллигенцией в лице Пьеро (впрочем, возможно, здесь подоплекой был любовный треугольник), с мелким бизнесом в лице Дуремара и даже с пенсионеркой Тортиллой, которая в отместку передала информацию о контактах с Буратино Карабасу. Почва горела под ногами нашего героя, надо было что-то делать.

Выход был стандартный для оппозиционеров всех времен и народов: Буратино спрятался в особняке Мальвины. Вряд ли кто-либо рискнул нарушить покой этой аристократки, и наш герой до поры, до времени чувствовал себя в безопасности. Но именно до поры и до времени. Наличие Золотого Ключика (ключа к выходу за границу) был слишком серьезный фактор, чтобы оставлять это обстоятельство без внимания. И власти пошли на крайние меры – была предпринята попытка силового захвата Буратино в доме Мальвины.

Что было делать нашему герою? Бежать? Но сколько можно бегать и куда бежать? Сдаться на милость властям? Безусловно, связи Мальвины помогли бы минимизировать наказание, но Буратино был не из тех, кто, сидя в темнице, пишет теоретические труды, - он был человек действия. И

решение было принято. Наш герой спровоцировал массовые беспорядки и столкновения с полицией. Имидж борца с режимом был зафиксирован публично.

А дальше все было просто. Надо было на кого-то опереться. Конечно, наиболее благодатным социальным срезом стала либеральная интеллигенция. Буратино воспользовался опытом поклонников МХАТа начала XX века, а его связи с труппой театра Карабаса Барабаса помогли занять подобающее место в общественном сознании – борца с режимом.

А вот дальше, как всегда, начинается самое интересное. Подробно описав путь Буратино от люмпена до народного вождя (видимо архивы спецслужб это позволяют), дальнейшие события автор описывает скороговоркой. В какой-то момент Буратино эмигрировал за границу через 'окно' в камерке Папы Карло. А потом вернулся. Обстоятельства возвращения неизвестны. Судя по всему, вернулся Буратино не с пустыми руками, а с капиталом сомнительного и неизвестного происхождения. Почему он не преследовался властями – непонятно. Кто ходатайствовал за его неприкосновенность – неизвестно. И вообще неизвестно, кто и каким образом позволил Буратино совершить последующие действия. А они весьма интересны.

Была произведена национализация театральной индустрии. Карабас Барабас оказался не у дел, а наш герой получил должность управляющего театрами. Что еще надо? Народный вождь. Признание. Синекура. Богемное окружение. Благоклонность Мальвины. Жизнь прожита не зря. Деревянный мальчик достиг своего идеала.

Христианская демократия на огороде

Обратимся еще к одному любимому детскому герою – Чиполлино. Здесь совершенно другая история.

Выходец из бедной семьи, он с малых лет познал нужду и лишения. Но, в отличие от Буратино, труд и образование не вызывали у Чиполлино аллергии. Отец его в результате зачисток во время визита Принца Лимона попал за решетку. И Чиполлино решил отправиться в путешествие по стране, чтобы лучше изучить жизнь людей. Обычная история для многих революционеров и людей революционных взглядов: достаточно вспомнить Че Гевару и Максима Горького.

В ходе своего путешествия Чиполлино столкнулся в одном местечке с вопиющей несправедливостью: нарушением прав собственника – Кума Тыквы, которому местные власти запретили индивидуальное жилищное строительство на принадлежащей ему земле. Причем для вящей убед-

тельности поставили под сомнение само право владения земельным наделом. И Чиполлино встал во главе протестного движения местных жителей.

Характерным моментом является трансформация политических взглядов Чиполлино. Если вначале он придерживался обобщенных лозунгов социальной справедливости, заложенных еще отцом (достаточно вспомнить его слова «В тюрьме сидят только честные люди»), то в процессе произведения взгляды эволюционировали, и Чиполлино в своей борьбе занялся конкретными вопросами, волновавшими жителей этой небольшой сельской общины. В частности существенное недовольство граждан вызвала региональная налоговая система, действовавшая в окрестностях замка графинь Вишен. А новые налоги, введенные Кавалером Помидором, привели к росту протестных настроений в обществе. К чести Чиполлино, он, в отличие от деревянного революционера, сумел объединить самые разношерстные социальные группы.

Среди сподвижников мальчика-луковки представители движения мелких собственников (Кум Тыква), ремесленники (Мастер Виноградинка), представители творческой интеллигенции (Профессор Груша), прислуга (Земляничка) и даже выходцы из потомственных аристократических родов (Граф Вишенка). И Чиполлино сумел объединить их всех и стать настоящим политическим лидером.

Как это обычно бывает, дело кончилось массовыми выступлениями жителей и общественными беспорядками. В результате правящий режим (прошу заметить, - региональный) был смятен. А Чиполлино в результате возглавил местный муниципалитет. И надо сказать заслуженно. Если на его пути к вершинам местной власти и прослеживались некоторые левацкие загибы, то это скорее, объясняется молодостью героя и неискушенностью, а не его политическими взглядами. Что же касается самих взглядов, то, представляется, что Чиполлино является олицетворением типичного христианского демократа. Построение демократического общества, начиная с общины, местное самоуправление, выбор руководителя, которого все знают, - эти идеи Рафаэля Кальдеры нашли наглядное воплощение в образе мальчика-луковки.

Чиновник или политик?

Еще один любопытный герой - Незнайка. Здесь интересен, не только сам герой, но и описание политической ситуации в месте действия. Если в предыдущих произведениях мы имели дело с типичными авторитарными коррумпированными режимами, то в Цветочном Городе все было го-

раздо сложнее. Налицо все признаки демократического общества: свобода слова, доступность лидеров населению, отчетность перед гражданами. Но реальная политическая жизнь отсутствует. А руководитель Города – Знайка ярко выраженная харизматическая фигура, и трудно представить, что кто-то может придти ему на смену. Это несменяемый лидер. Он говорит достаточно разумные вещи. Правда, иногда, с умным видом изрекает очевидные вещи, которые все и так знают. Но порядок есть порядок, - и все воспринимают Знайку в качестве истины в последней инстанции. И никто ему никогда не возражает.

Никто. Кроме Незнайки. Незнайка же имеет постоянное право на свое мнение, расходящееся зачастую с мнением лидера. Ему это позволено. Почему? Если рассматривать Незнайку, как политика, то это записной оппозиционер, который нужен власти для демократического лоска системы. Здесь все понятно. Но есть некоторые нестыковки.

За свою политическую карьеру Незнайка допустил столько ошибок, вызвавших широкий резонанс, что у профессионального политика карьера могла бы и закончиться. Но не у Незнайки. Он благополучно кочует из произведения в произведение, и с него, как с гуся вода. Политик? Может быть. Но что-то не припомнить политиков с похожим послужным списком.

Тогда кто же? Профессиональная карьера Незнайки изобилует крутыми поворотами, неожиданными назначениями на руководство различными областями жизни Цветочного Города. И здесь Незнайка являет собой образ типичного чиновника-номенклатурщика. Он вошел когда-то в обойму, став креатурой Знайки, и с тех пор всегда на виду.

Надо отдать должное Незнайке. Он инициативен, нацелен на конечный результат (правда, с выбором средств для достижения слабовато, но это издержки, которые есть в каждой профессии), умеет говорить с народом и может увлечь за собой. Типичный представитель партийного стиля руководства (впрочем, как и Знайка): главное – озадачить вовремя и спросить принципиально. Ну, а если ничего не вышло, значит, были недостаточно принципиальны. И с Незнайки спрашивают принципиально, перебрасывая с одного фронта работ на другой. Он непотопляем. Номенклатурщик, одним словом.

Так кто же все-таки Незнайка? Политик или чиновник? Кто он, коротышка из Цветочного города?

Сказке конец?

Выборы прошли, политические страсти поутихли, но не совсем. Пора сдавать книгу сказок в библиотеку? Или подождать еще?

Антон Макуни

Замечательный сосед

А у нас сосед играет на кларнете и трубе. Как в той известной старинной песенке Эдиты Пьехи. Сначала на кларнете, потом на трубе, потом ещё на пианино... И так целый день...

Артист! Гений!! Талантище!!! Если бы он эти свои репетиции вне дома проделывал, то цены бы валютной ему не было! Памятник бы ему поставить нерукотворный! Правда, мы с соседями ещё не решили: под каким глазом...

Но талантам надо помогать, бездарности пробьются сами...

Помогать, так помогать! На то мы и соседи! Жалко ведь, что он один на всех инструментах сразу мучается...

Верхняя соседка нашего таланта – Клавдия Евдокимовна скалкой по кастрюле ему в помощь ксилофонит. Ключкин, сосед слева, на циркулярной пиле мажорит. Я – сосед справа – на ручной дрели нотами сыплю. А нижний – Володька – тот просто по батарее парового отопления молотком ритм отбивает...

Как только гений наш начинает на своём кларнете талант демонстрировать, так мы сразу всей командой его поддерживать начинаем. Как по команде...

Ох, и музыка выходит, братцы! Почти все всяких там джазов и прочих балетов песни и пляски! Полонез, фуга, симфония!!!

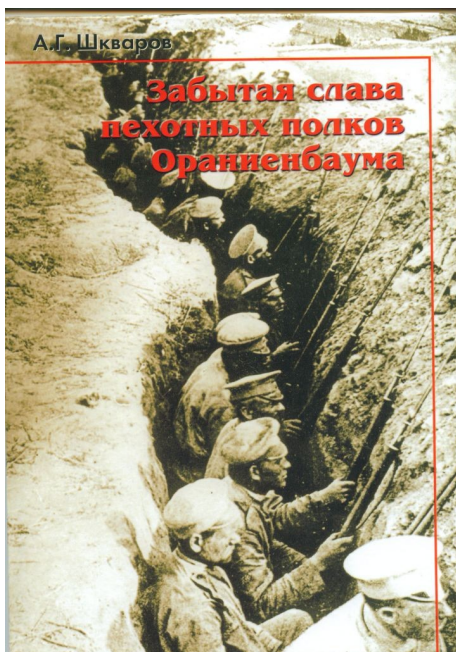
Сосед наш, правда, недавно пропал куда-то. Говорят, в больнице лежит.

С расстройством нервной системы. Но ничего, это сейчас лечат – скоро вернётся.

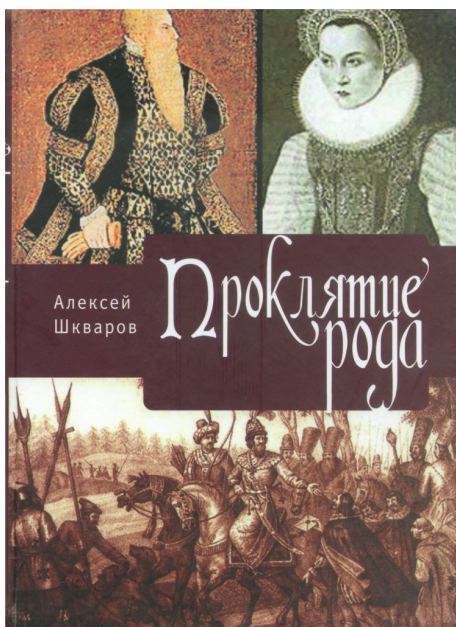
А мы его торжественным маршем встретим. Уже готовимся: Клавдия Евдокимовна с дачи все тазы и лоханки с корытами привезла, Ключкин на свою циркулярку мотор аж в два раза мощнее прежнего поставил, я электродрель с долбежно-пробивным устройством прикупил, а нижний, Володька, вместо молотка кувалдой обзавёлся...

Так что ждём. С нетерпением! Не пропадать же таланту в одиночестве! Дай-то ему Бог богатырского здоровья, титанического вдохновения, а главное – стальных нервов! Ну, примерно таких, как Володькина кувалда...

Книги наших авторов

Алексей Шкваров.
 "Забывтая слава пехотных полков
 Ораниенбаума" СПб, 2003. (1000
 экз.)

Алексей Шкваров.
 "Проклятие рода" Том. 1.
 СПб, Хельсинки 2010. (1000 экз.)